

Психологическая убедительность Агаты Кристи
соседствует с ледяным ужасом Стивена Kinga!
«Entertainment Weekly»

ТЭЙЛОР АДАМС

ВЫХОДА

НЕТ

Детектив – самое лучшее

Тэйлор Адамс

Выхода нет

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Адамс Т.

Выхода нет / Т. Адамс — «Издательство АСТ»,
2017 — (Детектив – самое лучшее)

ISBN 978-5-17-110391-0

...Снежная буря. Маленький мотель в горной глуши, отрезанный от всего мира. Мотель, в котором укрывается от разбушевавшейся стихии горстка автомобилистов. Одна из них – студентка Дарби Торн – тщетно пытается поймать на автостоянке сигнал сотовой связи и внезапно видит мелькнувшую в заднем стекле припаркованного фургона детскую руку. В машине заперт похищенный ребенок! Как его спасти? Что предпринять? До полиции не дозвониться. Доверять нельзя никому из «товарищей по несчастью» – ведь преступником может оказаться любой из них. А это значит, что Дарби предстоит в одиночку вступить в смертельную схватку...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110391-0

© Адамс Т., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Сумерки	6
7:39 пополудни	6
20:17	17
Ночь	28
21:25	28
21:39	36
22:41	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тэйлор Адамс

Выхода нет

Taylor Adams
NO EXIT

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency и Synopsis Literary Agency.

Серия «Детектив – самое лучшее»

© Taylor Adams, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Райли.

Эта книга – литературное произведение. Все имена, персонажи, деловые предприятия и организации являются либо вымыслом автора, либо описываются в выдуманных обстоятельствах. Все сходства с реальными людьми – как ныне здравствующими, так и умершими, событиями и местными приметами являются чисто случайными. В тексте употребляется американское правописание английского языка, за исключением тех случаев, когда автор намеренно подчеркивает особенности произношения или диалекта.

Отправлено:12/23 18:52

Кому: Fat_Kenny1964@outlook.com

От: amagicman13@gmail.com

Мы сделаем это сегодня ночью. Потом нам будет нужно место для ночевки на несколько недель. И мне необходимо знать – для уверенности, – что ты не передумал насчет того, о чем мы говорили. Отправь мне точные цифры. Затем удали это письмо, а я удалю твое.

Я торчу на стоянке в местечке под названием Нигде, штат Колорадо, пурга становится сильнее.

И я о том, что сделанного не воротишь. Пути назад не будет.

А, и Счастливого Рождества.

Сумерки

7:39 пополудни

23 декабря.

«Вертела я тебя, Бинг Кросби».

Дарби Торн находилась в шести милях от перевала Впалая Хребтина, когда «дворники» сломались, а этот баритональный бас принялся за второй куплет. Нет, серьезно: он получил свое Белое Рождество, о котором пел. Теперь может заткнуться.

Она переключала каналы приемника, ничего другого не находя, кроме помех, и смотрела, как левый «дворник» стучит и болтается, будто сломанное запястье. Дарби подумывала протянуть его изолянтной, но здесь негде было встать на обочине – только грязные массы льда нависали стенами слева и справа. В любом случае она боялась остановиться. Снежинки были крупные и мокрые, когда она проезжала через Джипсум полтора часа назад, но они стали мельче и злее, словно песок, стоило ей забраться повыше. Теперь они гипнотизирующе мерцали в дрожащем свете фар и через лобовое стекло выглядели размыто, как звезды на сверхсветовой скорости.

«Колесные цепи обязательны!» – предупреждал последний виденный ею дорожный знак.

У Дарби не было своих цепей для колес. Пока, по крайней мере. Шел второй год ее обучения в Центральном Боулдерском Университете, и она никогда не планировала никаких рискованных приключений вне стен кампуса, помимо походов в «Ральфи-Эконом»¹.

Ей вспомнилась прогулка месяц назад, полупьяной, с гогочущим табуном сплетниц-полуподруг, соседок по комнате, и когда одна из них спросила ее, полушутя, но с нотками ехидства в голосе, куда она собирается ехать на Рождественские каникулы, Дарби ответила резко, что только повеление самого Господа Бога может заставить ее вернуться домой в Юту.

И, по-видимому, Господь услышал ее, потому что мать Дарби вскоре слегла с последней стадией рака поджелудочной железы.

Она узнала об этом вчера.

Из эсэмэски.

ШКРЯБ-ШКРЯБ. «Дворник» снова принялся стучать щеткой куда попало, но снежная взвесь была достаточно сухой, а скорость машины – довольно высокой, и лобовое стекло оставалось чистым. Настоящей же проблемой являлись снежные заносы на дороге. Желтая разделительная полоса была уже скрыта под несколькими дюймами свежей белизны, и периодически Дарби чувствовала, что сбивает ее поверхность подвеской своей «Хонды-Цивик», будто граблями. Это повторялось, как чихание – с каждым разом немного сильнее. В последний удар она даже ощутила, как задрожал руль под пальцами. Еще один дюйм снега – и она застрянет здесь, в горах, с четвертью бака горючего, вне зоны действия сотовой связи, и только тревожные мысли составят ей компанию.

И навязчивый бесцеремонный голос Бинга Кросби, подумала она. Он промычал финальный куплет, и Дарби сделала маленький глоток теплого «Ред Булла».

ШКРЯБ-ШКРЯБ.

Вся поездка была такой – муторной, напряженной, мозговыносящей, через долгие мили предгорий и равнин, заросших кустарником. Нет времени останавливаться. Всё, что Дарби съела сегодня, – таблетка ибупрофена. Она забыла свою настольную лампу в комнате общежи-

¹ Ralphie's Thriftway, Thriftway – бережливый путь, название супермаркетов, увлекающихся всякими акциями, распродажами, купонами и т. п., то есть риск в том, что можно купить просроченную чепуху. *Здесь и далее – прим. пер.*

тия, но заметила это только на парковке в Драйдене – слишком далеко, чтобы возвращаться. Ее мучила изжога. Пиратские треки «Школьных героев» и «Моего токсичного романа», поставленные на бесконечное повторение, непрерывно крутились в ее айпде, теперь благополучно почившем. Вдоль дорог мелькали зеленые вывески с выцветшей рекламой фастфуда.

Город Боулдер окончательно пропал из зеркала заднего вида около полудня, затем в дымке скрылся силуэт Денвера с его взлетающими и идущими на посадку самолетами, и, наконец, маленький Джипсум, принявший на себя удар снегопада.

ШКРЯБ-ШКРЯБ.

«Белое Рождество» Бинга Кросби постепенно затухало, и подходила очередь следующего праздничного хита. Дарби уже дважды прослушала оба.

«Хонда» внезапно дернулась влево. «Ред Булл» выплеснулся на колени. Руль рвался из рук, и она боролась с ним, с дрожью и с тошнотой (крутить в сторону заноса, крутить в сторону заноса!), и перед поворотом машина вернулась под контроль водителя, продолжая ехать вперед и вверх, – но потеряла скорость. Потеряла обороты.

«Нет, нет, нет!» – нажимала Дарби на педаль газа.

Всепогодные шины перемалывали снежную кашу, машина тряслась в конвульсиях.

«Давай-давай, Синенькая, ну пожалуйста...»

ШКРЯБ-ШКРЯБ.

Дарби дала своей машине имя Синенькая с тех пор, как поступила учиться в университет. Сейчас она теребила педаль для того, чтобы чувствовать, как машина отзывается. Две струи снега взметались вверх из-под колес, она видела их в зеркало заднего вида красными от яркого света габаритных огней. Неприятный резкий звук – Синенькая снова проскребла животом снежную поверхность. Машина мужественно боролась, повиливая хвостом, будто была теперь наполовину лодкой, плывущей по снежной реке, как вдруг – ШКРЯБ! – левая щетка перестала стучать и отвалилась совсем.

Сердце Дарби екнуло. «Вот дерьмо».

Теперь падающий снег прилипал к левой полусфере лобового стекла, быстро накапливаясь на незащитной поверхности. Машина еще больше снизила скорость. Обзор стал узким, будто Дарби видела Седьмую государственную дорогу каким-то туннельным зрением, и она ударила руль кулаком. Раздался гудок, но его некому было слышать.

Вот так люди и погибают. Ее кинуло в дрожь. В метель, попав в ловушку в суровой местности, израсходовав бензин.

Они замерзают насмерть.

Ей захотелось глотнуть «Ред Булла» – пусто.

Дарби щелкала кнопками радио, склонившись в сторону пассажирского сиденья, чтобы видеть дорогу, и пыталась вспомнить, какую машину она повстречала сегодня последней. Когда это было? Сколько миль назад? Это был оранжевый снегоочиститель с эмблемой Государственной Дорожной Службы на дверце, тащившийся в правом ряду, выбрасывая на обочину струи ледяных обломков. Не меньше часа назад. Как раз, когда солнце скрылось.

Теперь небо над зубчатыми скалами стало сумрачным, иссиня-пурпурным, как кровоподтек. Силуэты обледеневших елей вполне соответствовали общей картине угловатости и искромсанности. Низины темнели, купаясь в озерах теней.

«Температура 4°»², гласило табло на заправке «Шелл», которую Дарби проехала тридцать миль назад. Наверное, сейчас холоднее.

Теперь она увидела вот что: полузанесенный зеленый знак в снегу на высокой обочине справа. Он надвигался на нее, выхваченный из сумрака светом замызганных фар «Хонды»: «365 дней со времени последнего несчастного случая».

² По Фаренгейту.

Вычисляли, должно быть, за несколько дней до снежного шторма, но сейчас Дарби находила это зловещим. В точности один год, ну надо же. Это придавало сегодняшнему вечеру вкус некоего жестокого юбилея. Надпись была пугающе странной, будто адресованной лично ей, и очень походила на надпись на могильной плите. Ее плите.

И следующий знак, еще один.
«ВПЕРЕДИ ЗОНА ОТДЫХА».

* * *

Видел одну – считай, видел их все.

Вытянутый типовой барак (гостевой центр, туалеты, может быть, еще на одном энтузиазме работающий магазинчик с вещами первой необходимости или кофейня) угнездился между потрепанными ветром соснами и потрескавшейся скалой. Флагшток без флага. Похожие на барабаны куски распиленного старого дерева. Скульптурная группа из бронзы, со статуями, замеченными снегом по пояс: кусочек искусства на деньги налогоплательщиков в честь какого-то местного доктора или первопроходца. И сбоку – участок под стоянку с невеликим числом припаркованных машин – все прочие автомобилисты берегли себя, ожидая, когда придут снегоочистители.

Дарби проехала десятки подобных зон отдыха с тех пор, как выехала из Боулдера. Какие-то были больше, большинство – лучше, и все – не в такой глуши. Но эта, несомненно, самой судьбой выбрана для нее.

«УСТАЛИ? Ищите синий знак! БЕСПЛАТНЫЙ КОФЕ ВНУТРИ».

И более новый плакат, напечатанный при президентстве Буша, с американским орлом, Хранителем Родины:

«ЧТО-ТО НУЖНО? СКАЖИТЕ, ЧТО».

Последний знак, в конце съезда, был Т-образным. Он призывал грузовики и трейлеры ставить слева, а небольшие машины справа.

Дарби едва не въехала в него.

Лобовое стекло было уже занесено снегом до непрозрачности – правый «дворник» тоже тупил и не справлялся – так что рулила она, опустив боковое окно и протирая ладонью небольшой кружок перед собой. Способ навигации, похожий на выглядывание в перископ.

Она не беспокоилась о том, чтобы правильно выбрать место для парковки, – цветные линии и бордюры все равно будут видны не раньше марта – и пристроила Синенькую рядом с серым мини-вэном без окон.

Она заглушила двигатель. Вырубила фары.

Тишина...

Ее руки тихо тряслись. Выходил адреналин с того первого заноса. Она сжимала их в кулаки, сперва правую, а затем левую (вдохнуть, досчитать до пяти, выдохнуть) и наблюдала за накопившимся снегом на лобовом стекле. Через десять секунд круг, протертый ею, исчез. А через тридцать она была раздавлена рухнувшей на нее ледяной черной глыбой.

Глыбой осознания очевидного факта, что она не успеет добраться до своего городка Прово в штате Юта к завтрашнему полудню.

Оптимистический вариант расчета времени прибытия основывался на том, что она проедет Впалую Хребтину еще до полуночи, и тогда даже останется время на короткий сон часов до трех утра, чтобы взбодриться. Пурга спутала все планы. Сейчас было почти восемь часов вечера. Объективно: когда дороги расчистят, даже если Дарби не будет останавливаться поспать или сходить в туалет, то все равно не успеет и не увидится с матерью до операции. Это окно возможностей ЗАКРЫЛОСЬ НЕЗАВИСИМО ОТ ТЕБЯ, как заглочившее приложение

ние на смартфоне, успевшее перед падением показать тебе красивую картинку с изображением Скалистых гор.

Тогда увидится... *после?*

А это значит... *когда?*

Теперь внутри «Хонды» было совсем темно. Плотный снег облеплял стекла со всех сторон, будто берлогу полярного медведя. Дарби проверила айфон, щурясь от яркой подсветки, – нет сигнала, и девять процентов заряда батареи. Последнее принятое сообщение было открыто. Первый раз она прочитала его на окружной дороге Джипсума, проезжая через какую-то скользкую обледеневшую дамбу на скорости восемьдесят пять миль в час с вибрирующим телефоном в руке.

«Она норм в данный момент».

В данный момент. Это было пугающее уточнение. И не только оно пугало. И не столько.

Дэвон, старшая сестра Дарби, думала эмоциями. Ее эсэмэски и посты в «Твиттере» обычно страдали аллергией на пунктуацию; заполошные вспышки пустословия в поисках священной мысли. Но не в этот раз. Дэвон использовала короткое слово «норм» и закончила предложение точкой, и эти маленькие детали обжигали Дарби изнутри, будто язва, и заставляли желудок тоскливо сжиматься.

Неявная, но подсказка, что все происходящее сейчас в Больнице Долины Юта куда менее «норм», чем написано, и просто не может быть выражено с помощью клавиатуры.

Только несколько нелепых слов.

«Она норм в данный момент».

И теперь Дарби, нерадивая вторая дочь, находилась в ловушке на уединенной базе отдыха ниже перевала через Хребтину, потому что пыталась играть в догонялки со Сноумагеддоном на горной трассе. И проиграла. Высоко в горах, внутри «Хонды-Цивик» 94 года, заваленная снегом, со сломанными «дворниками», разряженным телефоном и неясным текстовым сообщением, выжигающим ей мозг.

«Мама нормально в данный момент». Это может означать что угодно. Любой ужас.

В детстве Дарби была заморожена смертью. Она еще не теряла ни бабушек, ни дедушек, смерть пока была для нее неким абстрактным понятием, чем-то, к чему можно приблизиться и рассмотреть, как турист, изучающий старинные надгробия.

Она любила делать копии надписей с могильных плит – кладешь на камень лист бумаги и трешь карандашом или воском, получаешь подробный отпечаток. Они были прекрасны. В ее личной коллекции имелись сотни таких отпечатков, некоторые – в рамках. С обычных могил. С могил знаменитостей. Однажды Дарби перепрыгнула забор в Денвере, чтобы пополнить коллекцию Буффало Биллом. Долгое время она верила, что эта маленькая особенность, подростковая игра со смертью, сможет лучше подготовить ее к реальным такого рода вещам, когда с ними придется столкнуться в жизни.

Не подготовила.

Какое-то время Дарби сидела в темной машине, читая и перечитывая слова Дэвон. Потом подумала, что если продолжит оставаться в этой холодной пещере наедине со своими мыслями, то просто начнет плакать, а Господь знает, что она достаточно это делала за последние сутки. Она не может позволить себе терять волю. Не может опять ударить в грязь лицом. Увязнуть в тяжелом снегу, как Синенькая, вдали от человеческой помощи. Метель похоронит тебя, если ты это допустишь.

Вдохнуть. Досчитать до пяти. Выдохнуть.

Вперед.

Она спрятала айфон в карман, отстегнула ремень, накинула ветроустойчивую куртку поверх теплой спортивной кофты с капюшоном и очень пожелала, чтобы, в дополнение к обещанному бесплатному кофе, внутри этой облезлой постройки оказался вай-фай.

Войдя в гостевой центр, Дарби спросила об этом первого встречного – одинокого постольца, и тот указал пальцем на кое-как заламинированный знак на стене. «Вай-фай для наших гостей любезно предоставлен провайдером СДОТ, совместно с Дорожной связью!» – прочитала она.

Человек стоял у нее за спиной.

– Это... э-э, это платно. Они выставят счет.

– Я оплачу.

– Это дороговато. Цена выше обычной.

– Я оплачу в любом случае.

– Видите? – он показал на цену. – Три девяносто пять каждые десять минут.

– Я только хочу позвонить.

– Долгий будет разговор?

– Я не знаю.

– Потому что, если дольше двенадцати минут, вы сможете просто ввести их пароль «Дорожной связи», а там всего десять долларов за...

«Да блин, чувак, это пре-крас-но. Уймись уже».

Дарби не хотелось болтать. Ей никогда раньше не нравился такой стиль, как у этого незнакомца, не поправился и теперь, когда она лучше разглядела мужчину под неприятным светом флюоресцентных ламп – около пятидесяти, но в желтой клубной куртке с надписью «Кархарт», серьга в одном ухе и седая козлиная бородка. Похож на унылого пирата. Дарби напомнила себе, что он, вероятно, застрял здесь тоже и просто пытается помочь.

Ее айфон все равно не находил никакого вай-фая. Она полистала меню большим пальцем, ожидая, пока сеть появится.

Ничего.

Пожилый юноша уселся в кресло.

– Не судьба, да?

Она не ответила.

Это место, должно быть, днем превращается в кофейню. Но сейчас оно напоминало ей ночную автобусную станцию – чересчур сильно освещенную и пустую. Сама кофейня (ее явно и безуспешно пытались оформить в виде горы, «Эспрессо-Пик», гласила вывеска) была заперта за спущенной шторкой-роллетом. По периметру прилавка проходила защитная решетка. За ней находились две большие кофемашины с механическими кнопками и черными поддонами. Зачерствевшая выпечка. Черная доска с написанным мелом меню из нескольких строк и ценами на какие-то вычурные напитки.

Гостевой центр представлял собой одну комнату – вытянутый прямоугольник. Балки крыши сверху, туалеты в конце. Деревянные кресла, широкий большой стол, скамейки вдоль стены. Рядом – торговый автомат и полка с туристическими брошюрами. Было душновато и пахло лизолем.

А что насчет бесплатного кофе? На стойке возле «Эспрессо-Пик», облицованной диким камнем на цементном растворе, нашлась стопка пластиковых чашек, салфетки и пара кофейников на нагревательных плитках, позади решетки, но близко к ней. На одном было написано «КОФИЙ», а на другом «КАКАВА».

Кто-то из сотрульников набрал ноль баллов из двух возможных по орфографии.

Дарби заметила, что на уровне лодыжки цемент облицовки раскрошился и один из камней шатается. Удар может выбить его. Это раздражало маленькую, обсессивно-компульсивную часть мозга Дарби. Словно заусенец на ноге, который хочется отщипнуть.

Она слышала низкий жужжащий звук, чрезвычайно похожий на трепетание крыльев саранчи, и размышляла. Может быть, здесь включилось резервное питание и это сбросило вай-фай? Она повернулась к козлобородому незнакомцу.

– Вы не видели тут какого-нибудь телефона-автомата?

Тот быстро зыркнул на нее исподлобья, дескать – а, ты еще здесь – и помотал головой.

– А сотовый у вас ловит?

– Нет, с тех пор, как проехал Белый Крюк.

Ее сердце сжалось. Судя по региональной карте, висящей на стене, эта стоянка называлась Ванапа, что означало «Малое Черт-побери» в приблизительном переводе с языка местного племени индейцев-паиутов. В двенадцати милях к северу была другая стоянка – с похожим названием Ванапани, или «Большое Черт-побери», – а еще десятью милями дальше вниз лежал город Белый Крюк. И сегодня вечером, в разгар снежного шторма, Сноумагеддона, Сноупокалипсиса, Сноузиллы, или как там изошрялись метеорологи в поисках названия, этот городок с тем же успехом мог бы находиться и на Луне. До него не добраться.

– У меня ловился сигнал снаружи, – раздался мужской голос. Другой голос.

Позади нее.

Дарби повернулась. Он стоял напротив, возле двери, положив одну руку на косяк. Она прошла правее него, когда заходила внутрь («как я могла его не заметить?»). Парень был высокий, широкоплечий, на год или два старше ее.

Он вполне мог бы вписаться в компанию тех студентов-компьютерщиков, соседей по этажу, приглашавших ее на вечеринки, да и, пожалуй, стал бы среди них первым парнем. Блестящие густые волосы, зеленая куртка «Норд Фейс» и немного напряженная улыбка.

– Только на одно деление, правда, хоть и на несколько минут, – продолжил он. – Мой оператор, э-э, «Т-Мобайл».

– Мой тоже. Где именно ловился?

– У памятника.

Дарби кивнула, надеясь, что ее батареи хватит для звонка.

– А вы... ну, в смысле, кто-нибудь из вас, знаете, когда придут снегоочистители?

Оба мужчины отрицательно покачали головами. Дарби не нравилось стоять между ними, ей приходилось смотреть то на одного, то на другого.

– Я думаю, всё радиовещание экстренной службы сейчас прекратилось, – сказал тот, который постарше, кивая на приемник 90-х годов выпуска, жужжащий на стойке. Источник статического насекомоподобного шума, который она слышала ранее. Приемник тоже был за решеткой. – Когда я сюда зашел, они каждые полминуты повторяли ситуацию на дорогах и погодную сводку Европейского космического агентства, – добавил он. – А теперь эфир пуст. Может быть, их передатчики накрыло ураганом?

Дарби протянула руку через решетку и покрутила антенну, но добила лишь изменения тона шипения.

– Все равно лучше, чем Бинг Кросби, – сказала она.

– Кто это – Бинг Кросби? – спросил молодой человек.

– Один из «Битлз», – ответил тот, который постарше.

– А-а.

Теперь почему-то старший нравился Дарби куда больше, чем во время болтовни о вай-фае.

– Я многого не знаю о музыке, – признал молодой.

– Оно и видно.

На большом столе Дарби заметила колоду карт со следами загибов на уголках. Малый техасский покер, вероятно, помогал скоротать время двум странникам, решившимся пуститься в путь через метель.

Со стороны туалетов зажурчал бачок унитаза.

«Трем странникам», – уточнила про себя Дарби.

Она затолкала айфон обратно в карман джинсов, чувствуя, как оба мужчины украдкой глазят на нее. Один спереди, другой сзади.

– Я Эд, – сказал старший.

– Эшли, – представился молодой.

Дарби не назвала своего имени, а вместо этого открыла дверь и вышла наружу, назад в ледяную стужу, спрятав руки в карманы куртки. Она предоставила двери возможность закрыться самостоятельно, и успела услышать, как старший мужчина спрашивает младшего: «Погоди. Твое имя Эшли? Зовут, как девочку?»

Тот огрызнулся: «Это не только девичье имя...»

...И дверь захлопнулась.

Мир снаружи погружался во тьму.

Солнце покинуло его. Падающий снег оранжево переливался под одинокой наружной лампой, висевшей над входом в большом плафоне.

Но Сноумагеддон, казалось, немного ослабел, и в эти немногие минуты, оставшиеся до того мгновения, когда темнота окончательно снизойдет на землю, Дарби могла разглядеть сквозь снегопад очертания отдаленных горных пиков и потрескавшийся утес поближе, наполовину скрытый деревьями.

Она кутала шею в воротник и дрожала.

Скульптурная группа, которую этот молодой парень – Эшли – имел в виду, находилась в южной части базы, после флагштока и участка для пикников. Недалеко от съезда с трассы. Она была видна отсюда – полузасыпанные силуэты в снегу.

– Эй!

Дарби обернулась.

Опять Эшли. Он прикрыл дверь, щелкнув замком, и теперь направлялся к ней по снегу, высоко поднимая ноги.

– Где-то здесь... так, нет. Где-то там была такая особенная точка, и я на ней стоял. Единственное место, где я зацепил сигнал. И это была только одна полоска. Может, ты сумеешь лишь послать эсэмэску.

– Этого будет достаточно.

Он застегнул повыше молнию куртки.

– Пойдем, я покажу.

Они шли, стараясь наступать в его прежние следы, теперь почти занесенные несколькими дюймами свежего снега. Дарби прикидывала, сколько времени он уже здесь находится, но не спрашивала.

Сейчас, на некотором расстоянии от здания, она поняла, что эта база отдыха к тому же расположена над обрывом. За задней стеной (там, где туалеты) голые макушки деревьев колыхались над пустотой. Она не могла вечером видеть точно, где именно площадка переходит в пропасть, – одеяло плотного снега на краю смазывало границу. Один неверный шаг может оказаться последним. Местная флора была сурова – дугласские ели с обломанными жесткими ветвями, принявшие гротескные очертания под постоянными ударами сильных ветров.

– Спасибо, – сказала Дарби.

Эшли не слышал. Они, пошатываясь, пробирались через особенно глубокий снег, размахивая руками для баланса. Снег был глубже здесь, к концу пути. Ее «Конверсы» промокли насквозь, пальцы ног окоченели.

– Так ты, стало быть, Эшли? – спросила она.

– Ага.

– Может, Эш?

– С чего это вдруг?

– Просто спросила.

Дарби снова глянула назад, на здание, и заметила в янтарном одиноко светящемся окне силуэт человека, наблюдающего за ними через обледенелое стекло. Она не могла точно сказать, был это старший мужчина (Эд) или тот, другой человек, которого она пока не видела.

– Эшли – это не только женское имя, – заметил Эшли, когда они пробирались через очередной сугроб. – Оно прекрасно используется и как мужское.

– О, разумеется.

– Как Эшли Уилкс в «Унесенных ветром».

– Тоже только что об этом подумала, – сказала Дарби. Чувствовалось, что он немного похвалился. Но маленькая настороженная часть ее мозга сильно удивилась. «Ты хорошо знаешь старое кино, но не знаешь состав “Битлз”»?

– Или Эшли Джонсон, – продолжал он. – Всемирно известный игрок в регби.

– Ты тоже сделаешь это имя известным.

– Или не сделаю. – Он показал на что-то вдали. – О, ты можешь глянуть на Пик Меланьи.

– На что?

– Пик Меланьи. Меланьин Пик. – Эшли выглядел смущенно. – Извини, я торчу тут довольно долго, прочитал все, что было в информационном центре. Видишь вон ту большую гору? Один парень назвал ее в честь своей жены.

– Это романтично.

– Может быть. Он сделал это, потому что гора встретила его холодно и враждебно. Фригидно, в общем.

Дарби хихикнула.

Теперь до статуй было рукой подать. Целая бронзовая компания. Здесь, вероятно, имелась табличка, поясняющая, что это всё означает. Где-то под снегом. Скульптуры изображали детей. И казалось – были детьми. Бегавшими, прыгавшими, игравшими, а потом вдруг застывшими в бронзе, покрывшись льдом.

Эшли показал на ту, которая сжимала бейсбольную биту.

– Здесь. У маленького легионера³.

– Вот тут?

– Ага. Здесь я поймал сигнал.

– Спасибо.

– Да ладно. – Он переминался с ноги на ногу, руки в карманах. – Я еще нужен зачем-нибудь? Ну там, махать палкой вокруг, отгоняя волков, и все такое.

Она молчала.

– Знаешь, я думаю, если...

– Нет. – Дарби улыбнулась, причем искренне. – Я в порядке. Спасибо.

– Я надеялся, что ты это скажешь. Холодно так, что аж шары звенят.

Сообразив, что дан зеленый сигнал на возвращение, Эшли побрел назад, загоразивая плечами теплый оранжевый свет от здания.

То еще удовольствие – остаться здесь с кошмарными детьми.

«Ну, приступай».

Она не представляла, насколько статуи тревожащи, пока не оказалась с ними наедине. Сама будто потерявшийся ребенок. Они были выполнены в стиле, знакомом ей – скульптор использовал необработанные готовые куски бронзы, выплавленные заранее и соединенные затем вместе вопреки всякому здравому смыслу, с заметными стыками и щелями, но в темноте ее воображение замещало недостающие детали. Мальчик с голым торсом слева от нее, которого Эшли назвал «маленьким легионером», угрожающе покачивал бейсбольной битой.

³ Бейсбольной лиги.

Другие фигуры вздымали длинные худые безобразные руки с отсутствующими кусками плоти, будто обглоданные до костей огромным питбулем.

Как бы Эшли назвал их? Кошмарные Дети.

Он был в двадцати футах, смотрясь уже силуэтом в контражуре оранжевых лучей, когда она повернулась и сказала:

– Эй! погоди.

Он посмотрел назад.

– Дарби, – представилась она. – Мое имя Дарби.

Он улыбнулся.

«Спасибо, что помог мне, – хотелось ей сказать. – Благодарю, что ты был добр ко мне, о Одинокий Странник». Эти слова были здесь, в ее душе, но она не могла воплотить их в реальность. Они не видели глаз друг друга, момент упущен.

«Благодарю тебя, Эшли».

Он продолжал уходить.

Когда через секунду он снова остановился, осознав, то сказал только одно:

– Ты же знаешь, что Дарби – это имя для мальчика, не так ли?

Она захохотала.

Она понаблюдала, как Эшли уходит, а потом прислонилась спиной к статуе с бейсбольной битой, застывшей на половине замаха, и подняла свой айфон повыше, прикрывая от падающих снежинок. Прищурившись, она смотрела в верхний левый угол экрана.

Нет сигнала.

Дарби подождала, одна в темноте. В правом углу батарея упала до шести процентов. Она забыла свою зарядку воткнутой в розетку в общежитии. Две сотни миль назад.

«Пожалуйста, – шептала она. – Пожалуйста, Гос-поди...»

Сигнала по-прежнему не было. Выдыхая через стучащие от холода зубы, Дарби перечитывала сообщение сестры:

«Она норм в данный момент».

«Нормально» – это худшее слово в английском языке. Вырванное из контекста, оно не означает ни-че-го. Оно могло означать, что ее матери Майе стало лучше, могло означать, что стало хуже, а могло, что она... ну ладно, просто «норм».

В народе говорят, что рак поджелудочной железы – быстрый убийца, потому что смерть часто следует сразу после постановки диагноза, через считанные недели или даже дни, – но это неправда. Ему требуются годы. Просто он протекает бессимптомно на ранних стадиях, незаметно увеличиваясь внутри, не проявляясь в виде желтизны кожи или брюшных болей, до тех пор, пока не станет слишком поздно. Это было ужасно осознавать: рак был внутри матери все время, которое Дарби провела в высшей школе. Он был там, когда она лгала о сломавшейся застёжке на сумке и украденном у нее бумажнике. Он был там, когда она приехала домой в три часа ночи в субботу, одурманенная скверным экстази, с зеленым светящимся браслетом на запястье, и мать заходила в плаче на веранде и называла ее маленькой испорченной сучкой. Невидимое создание черной вороной сидело на плече матери на протяжении всего скандала, подслушивая, и мать медленно умирала в это время, и они обе об этом не знали.

Последний раз они разговаривали на День Благодарения. Телефонный разговор длился больше часа и состоял в основном из взаимных упреков и обвинений, но последние несколько секунд засели у Дарби в памяти.

«Из-за тебя папа покинул нас, – сказала она, помнится. – И если бы мне пришлось выбирать, он или ты, я знаю свой выбор. Сердцем знаю. Долбаным, мать его, сердцем, Майя».

Она вытерла пальцем слезы, уже замерзшие на коже. Выдохнула в морозный воздух. Ее мать готовили к операции в данный момент, в Больнице Долины Юта, а Дарби находилась, коротко говоря, в западне. Ну то есть на базе отдыха в Скалистых Горах.

И она знала, что остатков бензина в отдыхающей здесь сейчас Синенькой не хватит надолго. Зато тут есть как минимум тепло и электричество. Так или иначе, нравится ей это или нет, придется поддерживать беседу с Эдом и Эшли, и тем, другим, туалетным журчателем. Она представила это – кучка странников в пургу, как золотоискатели или поселенцы, которые могли иметь такое же общее укрытие в этих же горах столетие назад – попивающих жидкий кофе, травящих байки у костра, и прислушивающихся к радио, чтобы не пропустить сообщение, когда же придут снегоочистители.

Может быть, она приобретет нескольких новых друзей в «Фейсбуке» и научится играть в покер.

Или просто пойдет, сядет в «Хонду» и замерзнет до смерти.

Обе возможности были одинаково заманчивы.

Дарби глянула на ближайшую статую. «Это случилось длинной-предлинной ночью, дорогие детишечки». Она проверила айфон последний раз, в надежде на Магическую Точку Прима Имени Эшли. Всё, чего она здесь добилась, – посадила батарею и нажила обморожение.

«Чертовски длинной ноченькой, ребятки».

Она направилась назад к Небоскребу Ванапа-Билдинг, временно превращенному какой-то злой ведьмой в облезлый барак, ощущая уколы головной боли, такой же острой, как лезвия ее мыслей.

Сноумагеддон опять взялся за свое, с новыми силами засыпая горы снежными хлопьями. Порывы ветра вздымали их вверх за ее спиной, раскачивали скрипящие ели, пытались забраться под куртку.

Дарби машинально пересчитала автомобили на парковке, когда въезжала сюда – три, плюс ее «Хонда». Серый мини-вэн, красный грузовичок-пикап и непонятное чудо техники, больше напоминавшее сугроб.

На обратном пути она сделала крюк и прошла через стоянку, обойдя по дуге маленькую коллекцию отловленных ураганом транспортных средств. Не нарочно, разумеется.

Позже Дарби будет вспоминать этот глупый поступок много раз за вечер и гадать, насколько по-другому могла бы сложиться ночь, если бы она просто вернулась по следам Эшли.

Она шла вдоль ряда машин.

Первым был красный грузовичок. Песочницы для посыпания дороги, шипастые цепи на колесах. Меньший слой снега на нем по сравнению с остальными говорил, что стоит он здесь недолго. Дарби предположила, что полчаса.

Вторая машина, полностью засыпанная, просто погребенная под снегом. Она не смогла разглядеть даже цвет – неопознанная куча, вот и все, что можно было сказать. Нечто большое и похожее на гроб на колесах. Оно стояло здесь дольше всех.

Третьей была Синенькая. Ее верная «Хонда-Цивик». Машина, на которой она училась водить, машина, которую взяла с собой в колледж, машина, в которой потеряла девственность. Не все это одновременно, конечно. Левый «дворник» был потерян и валялся в каком-то сугробе на обочине милей ниже по шоссе. Она знала, что «Хонда» счастлива немного отдохнуть от таких приключений.

Последним стоял серый вэн.

Это случилось, когда Дарби решила срезать путь от парковки на дорожку к главному входу, до которого оставалось футов пятьдесят. Она протискивалась между мини-вэном и своей «Хондой», опираясь на двери родной машины для равновесия.

На борту фургона был нарисован рыжий лис, похожий на мошенника Ника Вайлди из мультфильма «Зоополития». Он выставил перед собой электромолоток в той же манере, в какой Джеймс Бонд обычно держал пистолет, и рекламировал какую-то строительную-ремонтную компанию. Ее название было покрыто снегом, но слоган читался. «МЫ ЗАКОНЧИМ ТО, ЧТО ВЫ НАЧАЛИ».

Дарби добралась до задней двери вэна. Метель почти не тронула его с подветренной стороны.

На ней было два окна. Правое, занавешенное изнутри полотенцем. И левое, чистое, отражавшее свет фонаря, будто стальной клинок. И когда Дарби поравнялась с ним, бросив беглый взгляд внутрь, то кое-что увидела.

Руку.

Очень маленькую, похожую на кукольную, мертвенно-бледную. Руку.

Дарби замерла на середине шага, затаив дыхание.

Маленькая рука хваталась за что-то, похожее на сетку, находящуюся за стеклом, белые пальцы мягко разжимались поочередно, один за другим, и в этой несогласованности было нечто от движений ребенка, еще только осваивающего свою нервную систему.

А потом рука внезапно исчезла в темноте.

Скрылась из вида.

Это длилось три-четыре секунды и ошеломило Дарби до немоты.

Не может быть.

Ее внутренний голос молчал. Тоже онемел.

Она подкралась поближе и прижала руки к окну, всматриваясь внутрь. Ресницы трепетали, задевая холодное стекло. Немного в стороне от того места, где скрылась маленькая рука, Дарби заметила серповидный отблеск натриевого фонаря от какого-то едва заметного предмета. Это был круглый кодовый замок. Запирающий сетку из металлических прутьев, которые недавно сжимала детская рука. Похоже на клетку для перевозки собак.

Дарби наконец выдохнула – и сделала это зря – теперь стекло запотело от ее дыхания⁴.

Но она точно видела руку. Только незрячий не увидел бы.

Она отступила назад, оставив отпечатки ладоней на двери, чувствуя, как сердце норвит выскочить через горло.

«Это значит...»

Это значит, что внутри фургона заперт ребенок.

⁴ Так у автора. По-моему, стекла снаружи не потеют. Надо экспериментировать.

20:17

Дарби вошла внутрь.

Эшли вскинул на нее взгляд.

– Удачно?

Она не ответила.

Он сидел за деревянным столом, перебрасываясь картами с Эдом. И теперь Дарби была здесь не единственной женщиной. Другая женщина – жена Эда, конечно же! – сидела рядом с ним.

Суетливая и маленькая брюнетка лет сорока, в помятой желтой парке, со своей стрижкой под горшок похожая на кеглю, увлеченно играющую в шарики на планшете.

Так вот кто был в туалете.

Дверь еще не успела закрыться за Дарби, а у нее уже имелось сразу трое подозреваемых. Болтливый Эшли, грустноглазый Эд и его безвкусно одетая жена. Итак, кому из них подходит серый вэн? Или, вернее, – кто из них подходит к серому вэну?

«Боже мой, там снаружи ребенок в машине.

Запертый в клетке».

Эта мысль ударила ее так же, как в первый раз. Дарби чувствовала металлический привкус во рту. Ее ноги подкашивались. Ей нужно было присесть, но она боялась.

«Один из них троих сделал это».

– Убедитесь, что дверь закрылась, – сказал Эд.

Игра продолжалась, как будто бы ничего не случилось.

Эшли проверил свои карты и искоса глянул на Эда.

– Четверка червей?

– Ходи рыбой. Двойка пик?

– Не-а.

Что-то здесь было не так, поняла Дарби. Математика не сходилась. Снаружи три машины, не считая ее собственной. Трое подозреваемых внутри. Эд и его жена наверняка путешествуют вместе. Правильно? Итак, здесь на стоянке должен быть четвертый человек. Но где же он?

Она переводила взгляд от Эшли к Эду, от Эда к его жене, сканировала комнату вдоль и поперек, а ее сердце охватывал липкий страх.

«Где же он еще может...»

И тут она ощутила, как к шее сзади прикоснулась теплая волна чужого дыхания. Кто-то дышит ей в шею. Стоит сзади и дышит.

– Валет трэф?

– Ходи рыбой.

Дарби стояла тихонько, лишь чувствуя, как волосы шевелятся от ужаса. По спине бегали мурашки. Она нашла того, кого искала, надо было лишь обернуться, но она не могла. Тело словно не слушалось.

«Он сзади, чуть правее меня».

Он дышал в нижнюю часть ее шеи. Воздушный поток приподнимал ей волосы, щекотал обнаженную кожу. Мягко обдувал ушные раковины. Дарби уже знала, что четвертый путешественник в любом случае мужчина – женщина просто не могла бы дышать так, как он. Он стоял менее чем в двадцати дюймах сзади нее. Достаточно близко, чтобы потрогать за спину. Или схватить за горло и сломать пальцами гортань.

Она хотела, она желала повернуться и оказаться лицом к лицу с этим четвертым, кем бы он ни был, но чувствовала, что секунды стали странно тягучими. Будто попытки нанести удар кулаком в кошмарном сне.

«Обернись, – приказывала она себе. – Обернись сейчас же».

А перед ней всю продолжалась карточная игра.

– Дама червей?

– Ого! Как ты зашел.

– Девятка бубен?

– Не-а.

Стоящий сзади затаил дыхание на несколько секунд – достаточное время, чтобы дать ей надежду, что всё это является лишь игрой ее воображения, – а затем жадно всосал большую порцию воздуха. Ртом. Застывшая в оцепенении Дарби зарекалась делать это когда-либо снова – входить в помещение, не проверив углы по сторонам.

«О Боже, Дарби. Просто повернись».

Взгляни на него.

Наконец она решилась.

Она поворачивалась неторопливо, расслабленно, с занесенной ладонью, как будто просто собиралась выполнить просьбу Эда – проверить, плотно ли закрылась дверь. Поворачивалась-поворачивалась, пока не оказалась лицом к лицу с человеком.

Он был какой-то вытянутый. Длинный, но сутулый, тонкий, как рельс, лет девятнадцати или чуть больше. В профиль он напоминал хорька, зачем-то украшенного юношескими прыщами. Неправильный прикус и убегающий подбородок, покрытый нежным персиковым пухом. И усики.

Подвернутая шапочка «Дэдпул» на голове, лыжная куртка небесно-голубого детского оттенка. Его узкие плечи были припорошены начинающим таять снегом – похоже, он тоже только что был снаружи. Он пристально смотрел на нее, и Дарби встретила с ним взглядом – маленькие коричневые глазки-бусинки, будто у грызуна, и такие же бессмысленные – и осторожно улыбнулась.

Неловкий момент.

Дыхание Мистера Грызуна представляло собой сложную смесь из молочного шоколада и землистой горечи жевательного табака. Его правая рука внезапно поднялась – Дарби вздрогнула, – но он просто потянулся и прикрыл дверь поплотнее. Та прижалась, щелкнув засовом.

– Благодарю, – сказал Эд и повернулся обратно к Эшли. – Туз червей?

– Нет.

Дарби отвела взгляд и отошла от двери, оставив Грызуна топтаться там в одиночестве. Сердце колотилось о ребра. Звук собственных шагов громом отдавался в ушах. Она сжала обе ладони в кулаки, чтобы скрыть, как ее трясет, и села за стол вместе с остальными. Она заняла стул между Эшли и старшей парой, и деревянные ножки противно взвизгнули по кафельной плитке.

Эшли поморщился от резкого звука:

– О, девятка червей.

– Дерьмо.

Жена Эда стукнула его по локтю:

– Следи за языком!

Дарби знала, что Грызун наблюдает за ней сейчас своими маленькими глазками и внимательно изучает. И она понимала, что сидит напряженно – слишком напряженно! – неуклюже пристроившись на краешке стула и притворно копаясь в своем айфоне. Упираясь коленями в столешницу. И переигрывая, как прима провинциального театра. Прима с полным багажником смутного прошлого, вроде той коллекции эпитафий, и с разряженной телефонной батареей, но отчего-то застрявшая здесь, вдали от цивилизации, подобно простому смертному. В роли безобидной второкурсницы.

Что-то Грызун задержался у двери. Увлёкся представлением.

Теперь Дарби начинала волноваться – вдруг он знает? Может быть, он смотрел в окно и заметил, как она заглядывала внутрь его машины. А может, он видел ее следы. Или поведение Дарби выдало ее с головой через секунду после того, как она, с натянутыми нервами и выпрыгивающим сердцем, пошатываясь, вошла в здание. Вообще-то она хорошо умела лгать. Но не сегодня. Не сейчас.

Она пыталась найти обычное объяснение тому, чему стала свидетелем. Похоже, у одного из этих четверых есть маленький ребенок возраста «не-все-еще-понимает», просто задремавший на заднем сиденье вэна. Это правдоподобно, верно? Он спал там все время. Ведь для того и нужны стоянки для отдыха. Для отдыха.

Но это не объясняло круглый кодовый замок, виденный ею. Или проволочные прутья, за которые хваталась рука. Или, пришло ей в голову – полотенца, продуманно развешенные на задних окнах – скрывающие то, что происходит внутри. Не так ли?

И одно из них соскользнуло.

«Ты неадекватна. Ты слишком бурно на всё реагируешь».

Может быть. Может быть, и нет. Ее мысли путались. Бодрящее действие «Ред Булла» заканчивалось. Ей необходима хотя бы чашка долбаного кофе.

И если уж говорить о бурной реакции, то она пыталась позвонить 9-1-1, еще когда была снаружи.

Вот только связи не было. Дарби провела достаточное количество времени возле Кошмарных Детей, в Магической Точке, указанной Эшли, чтобы в этом убедиться.

Безрезультатно.

Тогда она попробовала отправить эсэмэску на номер 9-1-1 – она вспомнила, что читала когда-то, будто текстовые файлы занимают совсем малую часть пропускной способности и являются наилучшим способом вызвать помощь из «мертвой зоны» действия сети.

Но и это не сработало.

«Похищение ребенка серый вэн номерной знак VBN9045 государственная дорога 7 стоянка отдыха Ванана сообщите полиции».

Это текстовое сообщение с пометкой «НЕ ОТПРАВЛЕНО» было все еще открыто. Она закрыла его, на случай, если Грызун заглянет ей через плечо.

Дарби пыталась открыть заднюю дверь фургона (что могло бы стать роковой ошибкой, если бы в машине имелась сигнализация), но та была заперта.

Конечно, заперта. С чего бы это ей НЕ быть запертой?

Дарби задержалась там, возле вэна, всматриваясь в темноту через сложенные домиком ладони, постукивая по стеклу костяшками пальцев и мысленно уговаривая маленькую руку снова пошевелиться. Безуспешно. Внутренности вэна были черны, как смола, а задние двери завалены одеялами и хламом. Она видела руку всего несколько секунд. Но этого оказалось достаточно. Она не могла такого придумать.

«Правда?»

Правда.

– Туз пик.

– Проклятье!

– Не выражайся, Эдди.

– Ради Бога, Сэнди, мы завалены снегом в Колорадо внутри домика, выстроенного из дерьма на наши же налоги, и это накануне Сочельника. Я положу двадцатку в мою «ругательную банку», когда вернусь домой, хорошо?⁵

Благородная Леди с черным горшком из волос на голове – Сэнди, как оказалось, – взглянула через стол на Дарби и молвила:

⁵ Эд кладет в баночку деньги каждый раз, когда ругается. Способ то ли накопить, то ли бросить ругаться.

– Простите меня за него.

Во рту у нее не хватало переднего зуба. На коленях стояла дамская сумка с выложенным из фальшивых брильянтов Псалмом 100:5: «Господь добр и любовь Его бесконечна».

Дарби вежливо улыбнулась в ответ.

Ее тонкая чувствительная натура владела достаточным словарным запасом ругательств. Кроме того, благодаря Эду Эшли считал теперь Бинга Кросби одним из «Битлз», а это дорогого стоило. И делало Эда «подходящим парнем» для ее личной записной книжки.

Но... Дарби чувствовала, что это ощущение «слепого пятна» за спиной, когда она вошла в здание, не проверив углы, никуда не делось. Даже усилилось. Ее внутренний голос говорил, что Грызун был водителем серого вэна. Но это только предположение. Она знала, что похитителем мог оказаться любой другой. Кто-то из четверых странников, попавших в ловушку в этом придорожном убежище, мог быть – нет, был! – преступником.

Эшли? Он сорвал банк только что. Остроумный и дружелюбный, обаятельный сангвиник. С такими она обычно ходила на свидания один раз, но никогда дважды – нечто было в нем такое, что не внушало доверия. Она ему палец в рот не положила бы. Что за манерность? Что за выбор слов? Она чувствовала фальшь, его социальные навыки и приемы им тщательно управлялись, как это делают продавцы в магазине, улыбающиеся клиентам в лицо, но говорящие о них потом гадости в задней комнате.

А как насчет Эда и Сэнди? Они настоящие милашки, но что-то отталкивающее в них тоже есть. Они не смотрятся как семейная пара. Не выглядят особенно любящими друг друга. И они не похожи на любящих хоть кого-то в принципе.

А Грызун? Он вообще ходячая Оранжевая Тревога.

Любого из них приходилось считать виновным, пока не доказано обратное. Дарби нужно сопоставить каждого человека с каждой машиной, и тогда она будет уверена. Но только нельзя спрашивать об этом открыто – настоящий похититель поймет, что она знает о нем. Ей надо выманить информацию мягко и изящно. Она спросит Эшли, Эда и Сэнди, давно ли они прибыли, и сделает выводы, исходя из количества снега на машинах. Но это, конечно, тоже может привлечь излишнее внимание.

А что, если она слишком долго будет ждать подходящего момента?

Похититель не станет засиживаться здесь. Когда пурга утихнет или придут снегоочистители Дорожной Службы, он (или она, или они) незамедлительно кинется прочь отсюда, унося ноги подальше от Колорадо, напрямик в ад.

Оставив Дарби на память только свой словесный портрет и номер машины.

Телефон чирикнул в сумочке, предупреждая: «Пять процентов заряда батареи».

Эшли взглянул на Дарби поверх веера из карт, зажатых в руках.

– Сигнал?

– Что?

– Ну, удалось поймать сигнал? Там, у статуи?

Дарби помотала головой, понимая, что вот и он, благовидный предлог начать разговор. Она увидела, что телефон не продержится всю ночь, и теперь самое время спросить, этак по-приятельски: «Ни у кого, случайно, не найдется зарядки для айфона?»

И спросила.

Эшли сочувственно развел руками:

– К сожалению.

– У меня нет, – сказала Сэнди, пихнула Эда локтем, и ее тон превратился из слащавого в ядовитый. – А что насчет тебя, Эдди? Твоя зарядка при тебе или ты сдал ее в ломбард тоже?

– В двадцать первом веке не сдают в ломбард вещи, – заявил Эд. – Это называется «вернуть товар продавцу». И не моя вина, что «Эппл» такое переоцененное дерьво...

– Не выражаться!

– ...М-мусор. Я хотел сказать, такой переоцененный мусор, Сэнди. – Он шлепнул картами по столу и посмотрел на Эшли, старательно улыбаясь. – Я однажды сломал айфон в кармане, когда садился. Семь сотен долларов псу под хвост из-за простого действия – опускания кормы на стул. Эта хрупкая маленькая дрянь треснула, как печенье, под моей ж...

– Не выражаться!

– ...Моей же собственной ляжкой. Ляжкой, Сэнди. Вижу, вижу, что ты подумала, но уверяю, теперь я целиком и полностью способен построить фразу, не прибегая ко всяким таким...

– Четверка треф, – перебил его Эшли.

– Да твою ж мать!

Сэнди вздохнула и раздавила очередной шарик на планшете:

– Осторожнее, молодой человек. Эдди-бой переворачивает столы, когда проигрывает.

– Это были шахматы, – сказал Эд. – И это было давно.

Эшли усмехнулся, снова вытаскивая четверку треф.

– Знаешь, Эдди, ты никогда не найдешь другую работу, если не научишься держать свой язык под контролем. – Сэнди клюнула экран ногтем, и раздался звук проигрыша: «вумп-вумп».

Эд деланно улыбался. Он явно хотел сказать что-то, но передумал.

В комнате похолодало.

Дарби скрестила руки на груди и пыталась волшебными словами заставить перенестись сюда белый шнур с надписью «Эппл», свисавший сейчас из розетки в ее комнате за много миль. Она предполагала, что батареи хватит еще часа на полтора. Грызун не ответил на ее вопрос, и неизвестно, умел ли он разговаривать вообще. Он неподвижно стоял напротив двери, закрывая собой выход и засунув руки в карманы. Скошенный подбородок смотрел вниз, красно-черная шапочка прикрывала верхнюю половину лица.

«Он наблюдает за мной. Так же, как я наблюдаю за ним».

Она должна быть естественной. Ее лучшая подруга однажды сказала, что она страдает от синдрома ЛСС – Лицо Спокойной Суки. И да, это было правдой, Дарби нечасто улыбалась. Не оттого, что была сухой или постоянно несчастной. Она стеснялась своей улыбки. Когда мускулы лица напрягались, над бровью становился виден, словно белый серп, длинный изогнутый шрам. Он появился, когда ей было десять.

Дарби ненавидела его.

ХРРРРР-ПЩЩЩЩЩЩ.

Раздался резкий звук рвущейся ткани, и Дарби подскочила на стуле.

Это радио позади нее с шипением и свистом вернулось к жизни за решеткой. Все посмотрели туда.

– Это...

– Ага. – Эд встал. – Экстренные фрики. Они вернулись.

Дарби знала, что «фрики» на армейском жаргоне означает «радиочастоты». Снова звук, булькающий неприятный шум, искаженный помехами. Похожий на телефонный звонок из-под воды.

Она не осознавала, что Грызун подкрадывается поближе, пока он не встал прямо за ее левым плечом, по-прежнему дыша через рот и соединясь с общей группой, оцепенело внимавшей древнему «Сони», изливающему на уши благодарных слушателей электронный шум со стойки.

Сквозь шипение помех она разобрала... да, это был... похожий на слабый шепот...

– Голос, – сказала Дарби. – Кто-то говорит.

– Я не слышу ничего.

– Подождите. – Эд потянулся через решетку и покрутил колесико громкости, подняв из внутренностей приемника небольшое облачко наэлектризованной пыли.

Похоже, это говорил автомат, неестественно, с нечеловеческими паузами:

«... В результате снежного шторма в районе перевала Впал-я Хребт-на сложились трудные погодные условия и наблюдается экстремальное выпадение – осадков. Седьмая государственная дорога закрыта для всего транспорта между выездами сорок девять и шестьдесят восемь до особого оповещения».

Эшли моргнула.

– Это же тот участок, где мы?..

Эд приподнял палец, громыхнув им о решетку.

– Т-ссс!

«Аварийные и дорожные бригады ожидаются со значительной задержкой на срок от шести до восьми часов из-за многочисленных столкновений и сильного снегопада.

Всем водителям рекомендуется не выезжать на дороги и оставаться в закрытом помещении до улучшения погодных условий».

Долгая пауза, шум помех. Тихий щелчок.

Все ждали.

«Национальная погодная служба предупреждает, что в результате снежного шторма в районе перевала Впал-я Хребтина сложились трудные погодные условия и наблюдается экстремальное выпадение осадков...»

Сообщение начало повторяться, и все собравшиеся в комнате разом выдохнули. Эд уменьшил громкость и нахмурился.

В комнате воцарилось молчание.

Сэнди заговорила первой:

– От шести до восьми... часов?!

Ноги Дарби почти отказывались ее держать. Она привстала, подавшись вперед, когда слушала, и теперь шлепнулась назад на стул, как тряпичная кукла.

Остальная часть присутствующих в комнате усваивала эту информацию. Дарби попала в окружение одновременно журчащих голосов, сливающихся в поток бессмыслицы:

– Это правда?

– Шесть или восемь чудесных часов.

– Вся ночь практически.

– Лучше устроиться поудобнее.

Сэнди надула губы и закрыла свой кожаный чехол для планшета.

– Подытоживаю. Я уже на последнем уровне Супершариков. Эд, тебе интересна моя жизнь?

«На всю ночь». Дарби окаменела на дешевом стуле, вцепившись пальцами в колени.

Странное чувство тревоги окатило ее – тот сорт вялого ужаса, который, наверно, испытала ее мать, когда обнаружила первую опухоль у себя под мышкой.

Не паника, не борьба, не желание убежать, а просто маленький момент, после которого прежняя жизнь сворачивается, будто скисшее молоко.

«Это на всю ночь, пока снегоуборочные машины не будут здесь».

Грызун прочистил горло, сочно булькая, и все взглянули на него. Он все еще стоял позади стула Дарби, и по-прежнему дышал ей в шею.

Когда он заговорил, обращаясь ко всей комнате, слова были медленными и скомканными:

– Я... Ларс.

Молчание.

– Мое... – Он вдохнул через рот. – Мое имя... Ларс.

Никто не отвечал.

Дарби напряглась, сообразив, что это, похоже, первый раз, когда Эшли, Эд и Сэнди вообще слышат его речь. Неловкость была явно осязаемой, как топор, повисший в воздухе.

– О... – Эшли, порывшись в своих запасах, выбрал и натянул легкую полуулыбку. – Благодарю, Ларс.

– Вы знаете... – Ларс сглотнул, держа обе руки в карманах куртки. – Я подумал... э-э... мы будем здесь все это время... довольно долго. Лучше, наверное, представиться. Итак, о, всем привет, меня зовут Ларс.

«И я украл ребенка и запер его в своем фургоне».

Разум Дарби мчался куда-то на всех парах, мысли порхали, вылетая из-под контроля, нервы искрились, как скрученные провода под напряжением.

«И мы с ним застряли здесь вместе с вами.

На этой маленькой стоянке.

На всю ночь».

– Рад знакомству, – произнес Эд. – А скажи-ка мне, Ларс. Что ты думаешь о продукции «Эпл»?

Через двадцать минут Стратегической Светской Беседы Дарби знала всё о припаркованных машинах и об их водителях.

Закопанное Нечто принадлежало Эшли. Он появился тут первым, прибыл чуть позже трех часов пополудни и обнаружил базу пустующей, с бубнящим радио и остывшим несвежим кофе. Он не спешил пересечь перевал и решил, фигурально выражаясь, «сохраниться» здесь. Он был студентом колледжа, как и Дарби, – Технический институт Солт-Лейк Сити или что-то вроде того. Теперь, когда лед между ними треснул, Эшли превратился в абсолютного балабола с белозубой улыбкой Чеширского Кота. Дарби уже знала о его планах поехать в Вегас со своим дядей на какое-то шоу фокусников-иллюзионистов. Знала, что он ненавидит грибы, но любит кинзу. О Господи, он даже ляпнул: «И Эшли – до сих пор наилучшее из возможных мужских имен. Подумай об этом».

«Ну-ну», – сказал на это Эд.

Старшая пара вела себя более осторожно, но тем не менее Дарби выяснила, что красный Ф-150 в действительности принадлежит Сэнди, а не Эду, как она подумала изначально. Она также удивилась, узнав, что они не были супругами, хотя ругались так, будто были. Они являлись двоюродными братом и сестрой на самом деле, и Сэнди везла их обоих в Денвер, на семейную рождественскую встречу. Одиннадцать часов за рулем, по их словам. Эд был весь в каких-то проблемах, с тех пор, как у него не стало то ли машины, то ли (это несомненно) постоянной работы. Отбывал тюремный срок? Может быть. Он выглядел сидящим на мели человеком, пятидесятилетний мужчина-ребенок с серьгой и байкерской бородкой, и Сэнди, наверно, любила бы это ребячество, если бы не ненавидела то, что ей постоянно приходится за него извиняться.

Итак, Дарби исключила трех человек и две машины.

Оставался Ларс.

Он не участвовал в беседе с тех пор, как назвал свое имя, и Дарби не могла применить к нему свой хитрый план – аккуратно выяснить, когда он сюда приехал, но, судя по слою снега, это могло быть минут за тридцать до Эда и Сэнди. Она видела, как Ларс наполнил пластиковую чашку из кофейника с надписью «КАКАВА» и возвратился на свой пост у двери, по-детски хлюпяя напитком. Она не видела ни разу, чтобы он присел.

И, отпивая маленькими глотками свой собственный выбор – непонятное зелье, налитое из кофейника с надписью «КОФИЙ», Дарби составляла план дальнейших действий. Но в нем было тоже много неизвестностей. Она не станет втягивать во всё это Эда, Эшли или Сэнди – пока не станет, – потому что в таком случае потеряет контроль над ситуацией. Привлечение других людей будет ее последним средством, на крайний случай. «Ты не сможешь вставить

чеку обратно в гранату», – думала Дарби. Прямо здесь и прямо сейчас на ее стороне элемент неожиданности, и хуже всего будет, если она растратит его впустую.

Ее воображение услужливо подсказывало, что может произойти при этом наихудшем сценарии. Она представляла, как говорит Эшли (более молодому и физически крепкому), о своем подозрении, что они дышат сейчас одним воздухом с похитителем детей, и Эшли бледнеет от бешенства. Ларс замечает это, выхватывает пистолет из голубой куртки и убивает их обоих. Эд и Сэнди станут свидетелями и тоже умрут. Четыре изрешеченных пулями тела в блестящих лужах крови. Всё оттого, что Дарби открыла свой рот.

А с другой стороны – что, если нет никакого ребенка в машине Ларса?

«Что, если я... выдумала это?»

Что, если она видела пластиковую руку куклы? Собачью лапу? Пустую детскую перчатку? Это не объясняло решетку или кодовый замок, но... это могло тоже быть плодом ее буйной болезненной фантазии, обманом зрения, игрой света и тени, и в любом случае длилось только несколько секунд. Ее голова немного закружилась.

Дарби была точно уверена полчаса назад, но внезапно уверенность исчезла. Она представляла дюжину более правдоподобных сценариев, чем этот. Какова вероятность наткнуться на киднеппинг в процессе его совершения? Во время ночного сидения в ловушке на заснеженной стоянке? Это звучит слишком фантастически, чтобы случиться именно с ней.

Дарби пыталась мысленно восстановить картину случившегося. Шаг за шагом.

Заднее окно было подмерзшим. Внутри темнота. А что Дарби могла сказать о себе? Она обломок разбитого корабля – озабоченная, невыспавшаяся. Ее кровь бурлила от «Ред Булла», она видела сверкающие звездобразные вспышки, стоило лишь прикрыть пересохшие веки. Что, если это всё только яркая игра воображения и Ларс – просто невиновный путешественник, такой же, как остальные?

Набрасываться на него лишь затем, чтобы разрядить батарею собственных нервов, это...

«Если я несправедлива по отношению к...»

Дарби одним глотком прикончила свой кофе и почему-то вспомнила о шутках над старшей сестрой. В двадцать три года Дэвон сделала свою первую татуировку на правом плече. Несколько китайских иероглифов жирным шрифтом, изящно вытянутых. Они переводились так:

«Сделано в Китае».

Какой из этого урок? Проверяй всё дважды.

Ей необходимо вернуться назад к вэну. Она должна увидеть этого ребенка. По-настоящему у-ви-деть.

И она не будет, потеряв голову, бросаться в бой. У нее полно времени, фактически она имеет шесть или восемь часов на всё. Достаточный срок, чтобы подумать. Ей надо знать точно, прежде чем что-либо делать.

«Правильно?»

Правильно.

Дарби растерла мурашки на руках и внимательно осмотрела комнату. За столом завершилась игра в «Рыбу», и теперь Эшли пытался уговорить Эда поиграть в какую-то новую карточную игру под названием «Война». Сэнди вытащила из сумки желтую книжку в дешевой бумажной обложке и отгородилась ею, будто оборонительной стеной. А Ларс, звезда сегодняшнего ужастика, всё стоял на посту напротив двери, прихлебывая из одноразовой чашки какао. Дарби вела счет – это было уже его третьей порцией. Он скоро захочет в туалет.

«Когда-то захочет», – уточнила про себя она. И тогда она выскользнет наружу. В прошлый раз у фургона она была беззащитной и испуганной.

Теперь она будет готова.

Эшли тасовал колоду, уломав Эда на новую игру.

– Что вы читаете? – спросил он, кивая на обложку Сэнди.

Та рассеянно пробормотала:

– «Загадочное убийство».

– Я люблю загадочные убийства. – Он запнулся. – Ну на самом деле, если честно, я не особо много читаю. Я имею в виду, мне просто нравится сама идея убивать загадочно.

Сэнди перелистнула страницу, изобразив вежливую улыбку. «Тогда зачем спрашивать?» – было на ней написано.

Прошло только два часа пребывания Дарби на стоянке отдыха Ванапа, а Эшли уже ее бесил. Он слишком много болтал. А еще он напоминал заводную игрушку, забрасывая крючки к Сэнди.

– Как далеко... э-э, в смысле, сколько глав вы уже прочитали?

– Немного.

– Жертва уже того? Убита?

– Ага.

– Я люблю кравишшу. Это было достаточно кроваво?

Эд неловко пошевелился, и его стул закрипел. Он наблюдал за Сэнди, которая переворачивала следующую страницу и еще не успевала ответить на предыдущий вопрос Эшли, как в нее уже летел другой.

– У вас уже есть догадки, кто убийца?

– Нет пока, – сказала она сухо. – Поставим на этом точку.

– Это всегда славный парень, – не унимался Эшли. – Опять же, я не читаю, но я пересмотрел кучу фильмов, а это даже лучше. Тот, кто казался положительным персонажем сперва, всегда превращается в засранца в конце.

Сэнди игнорировала его.

«Пожалуйста, замолчи, – думала Дарби. – Просто остановись».

– Этот грузовик, – продолжал он, глянув на окно. – Это ваш, верно?

– Угу-мм.

– Напомнил мне хохму. Что означает: «Форд»?

– Я не знаю.

– Найден на дороге, мертвым⁶.

Сэнди фыркнула и продолжила чтение.

В конце концов Эшли понял намек.

– Простите. Не буду вас отвлекать.

Ларс наблюдал за этой интермедией от двери. Он облизывал губы, и Дарби поражалась, насколько маленькие у него зубы. Просто два ряда мелких орешков, будто зубки ребенка, наполовину сформированные, наполовину все еще скрытые в розовых деснах. Он допил свое последнее какао и бросил пустую пластмассовую чашку в мусорный ящик в трех шагах от себя.

Промахнувшись.

Никто ничего не сказал на это.

Даже Эшли.

Дарби смотрела, как белая чашка крутится на кафельном полу, и обдумывала – при условии, что ее подозрения подтвердятся, – хватит ли у нее сил и здоровья на то, чтобы взломать фургон Ларса и незаметно перенести ребенка в свою машину.

Спрятать его или ее на заднем сиденье, возможно, прикрыть кучей разорванной бумаги, которую Дарби использовала для своей коллекции отпечатков. Или лучше даже в багажнике, если там будет достаточно воздуха и тепла. Когда придут снегоочистители ранним завтраш-

⁶ Из первых букв последней фразы «Found on road, dead» складывается слово «Форд». Ну то есть сломался и не едет.

ним утром, каждый из застрывших на стоянке пойдет своей отдельной дорогой, и Ларс может уехать, не поняв даже, что его жертва убежала...

Нет. Думать так – это принимать желаемое за действительное. За то время, пока они будут сидеть здесь, Ларс периодически станет запускать двигатель, чтобы держать ребенка в тепле. Он немедленно обнаружит, что пленник исчез.

Дарби вновь прибегла к интенсивному дыханию. Она считала до пяти перед тем, как выпустить воздух наружу. Так, как мать когда-то научила ее.

«Сейчас преимущество у меня.

Я не могу позволить себе потерять его».

Она хотела бы, чтобы в этой ситуации оказался кто-то другой. Кто-то умнее, смелее, устойчивее, более умелый. Кто-то из Тренировочного Корпуса Офицеров Запаса при ее коллежде, одна из тех суровых девиц в городском камуфляже «цифра», таскавших тяжелые рюкзаки вверх и вниз по лестницам кампуса. Кто-то, знающий джиу-джитсу.

Да кто угодно, черт побери.

Но тут была просто она.

Просто Дарби Торн, странная девушка, которая скрывалась от вечеринок в общежитии внутри своей комнаты со стенами, обвешанными черными карандашными оттисками чужих фраз, украденных с чужих могил, будто какой-то благочестивый вампир неизвестной породы.

Метель снаружи усиливалась. Дарби вытащила свой айфон и быстро набрала новый текст. Только черновик сообщения. Просто сохранить на случай невыносимого, но все равно от него наворачивались слезы на глаза.

«Мама, если ты нашла это сообщение на моем телефоне, то со мной что-то случилось. Я застряла на всю ночь на стоянке отдыха и пишу это. Один из людей здесь может быть опасен. Я надеюсь, что у меня просто паранойя. Но если я не... просто знай, что я жалею обо всем. О всех вещах, которые я говорила тебе. Я жалею о том телефонном разговоре на День Благодарения. Ты не заслужила этого всего. Мама, я люблю тебя очень сильно. И прости меня за всё.

Люблю, твоя дочь».

Через пятнадцать минут Ларс отправился в туалет.

Он прошел мимо стула Дарби, и она заметила нечто странное. Он снял свои черные лыжные перчатки, обнажив бледную кожу на руках. Тыльная сторона левой руки была усыпана пятнышками и маленькими рельефными бугорками. Похожими на москитные укусы. Или это были зарубцевавшиеся шрамы, хотя она не представляла, какой ужасный инструмент мог сотворить подобное с человеческой рукой – что-то вроде терки для сыра?

Ларс прошаркал мимо и скрылся в мужской уборной. Дверь со свистом закрылась, но Дарби показалось, что прошла целая вечность до финального щелчка.

«Сейчас».

Дарби вскочила со стула на дрожащих ногах. Эд и Эшли глянули на нее. Это был ее шанс, ее тридцатисекундное окно, выскользнуть на улицу и подтвердить или опровергнуть увиденное. С телефоном в руке она двигалась к выходу, задержав дыхание на вдохе, с легкими, полными кислорода, – но по пути она удивила сама себя. Она сделала нечто чрезвычайно нелогичное.

Дарби приблизилась ко второму кофейнику с надписью «КАКАВА» и быстро наполнила пластмассовый стакан объемом восемь унций. Хотя никогда не любила горячий шоколад.

«Но дети любят. Верно?»

Она услышала шум смываемого писсуара. Ларс возвращался.

Торопясь теперь, она глотнула горячего напитка, быстро вернулась к выходу и открыла дверь, впуская в помещение запах снега и холода. Но вездесущий неутомимый Эшли наблюдал за ней.

– Эй, Дарбс, что ты делаешь?

«Дарбс». Она не отзывалась на такое имя лет с пяти.

– Снова попробую поймать сигнал. У моей мамы рак поджелудочной железы, и она сейчас в больнице в Прово.

Не дав Эшли времени ответить, она шагнула наружу, в воющий шторм, через плотную стену морозного воздуха, пробирающего до костей, вспоминая импровизированную маленькую поговорку, которую услышала однажды давно от своей матери.

«Легче всего солгать, когда говоришь правду».

Ночь

21:25

Дарби сперва пошла к Кошмарным Детям.

Это была часть ее плана – было бы подозрительно идти к машинам сразу, прямо, по кратчайшему расстоянию, и она предполагала, что Ларс немедленно кинется к окну, после того как выйдет из туалета и не найдет ее на месте. К тому же она оставляла следы на снегу. Она различала свои собственные, сделанные час назад, и следы Эшли, и Ларса (ее восьмой размер обуви был намного меньше, чем их). Все – присыпанные снегом.

Этой ночью каждое принятое решение оставит свой след.

К примеру, решение взять с собой горячий шоколад было тупым. Сравнимое по тупости разве что с татуировкой на плече Дэвон: «Сделано в Китае». Дарби не знала, зачем наливала напиток, пока этот мелкий хищник изливал всё, что у него на душе накопилось, через комнату от нее. Она просто сделала это. Она обожгла себе язык, когда глотнула из стакана на ходу, будто уличная девчонка.

Она обошла пожеванные статуи и, описав петлю, повернула обратно к гостевому центру. Здание балансировало на кромке обрыва, отделенное от пропасти только узким промежутком позади цементной стенки фундамента, делавшимся еще уже от сложенной там кучи столов для пикника. На задней стене Дарби обнаружила два дополнительных окна. По одному в каждом туалете. Они были маленькие и треугольные, примерно в десяти футах над землей, пристроившиеся под обледелым козырьком крыши. Она знала, что Ларс уже закончил свои дела – она слышала спуск воды в писсуаре, еще когда выходила наружу, – но старалась двигаться бесшумно, просто на всякий случай.

Она поднялась на холм, все еще играя роль Девушки Без Сотовой Связи. Конечно, ее айфон обнаруживал Ничего. Она пыталась повторно отправлять эсэмэску на номер 9-1-1 каждые несколько шагов, но это ничего не давало. Заряд батареи был теперь четыре процента.

Отсюда сверху Дарби могла окинуть взглядом всю зону отдыха целиком, лежащую перед ней, как диарама. Ванапа – «Малое Черт-побери» на местном языке. Маленькое приземистое здание. Флагшток. Ствол кедра. Кошмарные Дети. Кучка заснеженных машин. Особенно тщательно она наблюдала за входной дверью, ожидая, что Ларс выйдет наружу, под оранжевый свет натриевой уличной лампы. Ждала, чтобы увидеть, если он пойдет за ней по следам.

Дверь не открывалась.

Никаких признаков Грызуна.

Меланьин Пик возвышался слева наклонной тенью. Теперь еще больше скрытый снегопадом, но остававшийся самой высокой горой в поле зрения. Он был полезен как ориентир для навигации.

Из этой господствующей точки Дарби также видела и Седьмую государственную дорогу, купающуюся в кругах света от редких дорожных фонарей. Теперь это был гигантский лыжный трамплин, сверкающий от свежей белой пудры. И совершенно непроходимый для всего здесь, за исключением, быть может, грузовика Сэнди. Синенькая не смогла бы сделать по нему и пяти футов вверх – да и вниз тоже.

Дарби ждала, со снежинками в волосах, слушая, как завывают порывы горного ветра. Иногда ветер ненадолго стихал, и в эту ледяную тишину тут же эхом горных молотков врвались мучительные мысли Дарби.

«Из-за тебя папа покинул нас. И если бы мне пришлось выбирать, он или ты, я знаю свой выбор. Сердцем знаю.

Долбаным, мать его, сердцем, Майя».

Перед тем как повесить трубку, мать ответила:

«Если бы ты действительно была нужна ему, Дарби, он бы взял тебя с собой».

Она сделала глоток горячего какао. Тепловатого, вернее.

Теперь, когда Дарби определенно знала, что Ларс не преследует ее, она могла приступить к решающему штурму фургона. Она пересекла пандус выезда и зашла с северной стороны, ни на мгновение не спуская глаз с фасада.

Изнутри здания видна лишь правая сторона вэна, но не левая, и она должна исходить из того, что Ларс присматривает за ним через окно. Прогулка по глубокому снегу была утомительной, Дарби проваливалась и выкарабкивалась, тяжело дыша, расплескивая напиток. Морозный воздух резал ей легкие. Обжигал холодом нос.

Она чувствовала, как влажные льдинки на слипающихся ресницах превращаются в хрустящие.

Удивительно, что, несмотря на это, ее тело не ощущало холода. Кровь кипела от адреналина, словно топливо в ядерном реакторе. У Дарби даже не было перчаток, но она чувствовала, что этого огня внутри хватит на всю ночь.

Пересекая участок парковки, предназначенный для домов на колесах и грузовиков, она уже была достаточно близко от здания и теперь могла разглядеть сидящие фигуры через мутное стекло. Она видела плечи Эшли. Лысеющую макушку Эда. Но никаких признаков Ларса, и это вдруг встревожило ее. Что, если он все же выскочил наружу вслед за ней? Что, если он просто вышел, когда Дарби была за домом, и двигается по ее следам прямо сейчас, подкрадываясь к ней сзади в темноте?

Она не могла выбрать, что же страшнее – видеть Грызуна или не видеть его. Ее «горячий» шоколад скоро замерзнет в этом стакане.

Она продолжала двигаться к загадочному вэну, и глупый мультяшный лис колыхался перед ней в такт каждому нетвердому шагу. Вот и слоган. «МЫ ЗАКОНЧИМ ТО, ЧТО ВЫ НАЧАЛИ». Снег на парковке был сравнительно неглубоким, только до лодыжки, под ледяной коркой наста. Видимо, он убирался регулярно, за исключением последних двадцати четырех часов, которые провел в безмятежном спокойствии.

Подобравшись слева, Дарби использовала длинную стену вэна как укрытие.

Она подкралась к задним дверям. «Шевроле Астро». Она предположила, что буквы «AWD» означают «полный привод»⁷. «Старшая» модель, предназначенная для плохой погоды. Грязные царапины на бампере. Угольно-серый цвет, отслоившийся пластик, вздувшийся пузырями. Правее Дарби узнала свои старые следы, оставленные около часа назад, – слабую линию, проходящую между вэном и ее «Хондой» и разрывающуюся надвое прямо здесь. Здесь, где «это» – случилось. Здесь, где ее ночь сделала резкий кувырок.

И сейчас был Момент Истины.

Дарби поставила пластиковый стакан в снег и прислонилась к прямоугольному заднему окну «Астро», наполовину заиндевевшему под внезапными ножевыми ударами подкрадывавшегося мороза.

Она снова сложила руки чашей и вглядывалась через стекло внутрь. Там было даже темнее, чем ей запомнилось. Никаких очертаний. Никаких движений. Только мрачная чернота, будто заглядываешь в черный ящик в поисках черного кота, запертого там с неясными целями мистером Шредингером, и гадаешь – жив он или нет.

Она постучала по стеклу двумя пальцами.

– Эй.

Нет ответа.

⁷ all-wheel-drive (англ.).

– Эй! Есть кто-нибудь здесь?

Это было странно – беседовать с фургоном.

Ничего. Никого.

Только Дарби Торн, стоящая рядом, как машинный вор, чувствуя себя все более и более неловко с каждой секундой. Она подумывала, не воспользоваться ли подсветкой айфона, но это добило бы батарею и, самое худшее, – выглядело бы в ночи как вспышка сверхновой. Если Ларс случайно будет лицом к окну – он, несомненно, увидит это.

Дарби дважды стукнула в металлическую дверь костяшками пальцев, повыше номерного знака штата Калифорния, и подождала ответа. Никакой активности внутри. Никакого шевеления. Ничего такого.

«Мне это привиделось».

Она отступила от двери, чувствуя холод в груди.

– Слушай меня, – сказала она охрипшим голосом. – Если кто-то заперт здесь, издай звук прямо сейчас. Или я уйду. Это твой последний шанс.

По-прежнему нет ответа. Дарби сосчитала до двадцати.

«Я вообразила эту маленькую руку. Вот что произошло».

Теперь, задним числом, она знала точно, зачем тратила время для наполнения стакана горячим шоколадом там, в гостевом центре. Это была ее собственная форма протеста. Она делала похожие вещи после получения прошлой ночью сообщения от Дэвон, разорвавшего ее мир в клочья.

«Позвони мне у мамы рак».

И как же она поступила первым делом?

Она отключила телефон, скользнула в куртку, дошла от Драйден Холла до студенческого клуба и заказала чизбургер. Она смотрела, как его подают, жирный и помятый, получала сдачу 5.63 со скомканной десятки, искала, где присесть в пустынном кафетерии, и наконец села и откусила два полукруглых кусочка, перед тем как рывком распахнула дверь в туалет и ее там ими стошнило. Она позвонила Дэвон прямо из кабинки, опираясь локтями на отбеленную керамику, с горящими от слез щеками.

Спасение в обыденности. Если есть силы в ней удержаться.

Стоя возле фургона, Дарби вела отсчет.

Сейчас она досчитала до пятидесяти и все еще смотрела, не покажется ли воображаемый ребенок.

Это почудилось, верно?

Таким же образом совершенно рассудительные люди клянутся, что видели красные огни в небе, или призрака в зеркале, или снежного человека в Национальном парке, – Дарби Торн просто вообразила детскую руку внутри таинственной машины, была близка к серьезным и решительным действиям на основании мимолетного миража. Слишком много кофеина, недостаток сна.

Это не кино. Это настоящая жизнь.

Всё это было просто недопониманием, ложной тревогой, и Дарби внезапно поняла, что ждет не дождется момента, когда вернется в маленький душный гостевой центр. Теперь компания не казалась ей такой уж плохой. Она будет учиться играть в карты с Эшли, может быть, беседовать с Эдом и Сэнди. Возможно, вздремнет на скамейке до свежей погодной сводки по радио с более точным прогнозом.

Потому что Ларс вовсе не киднеппер. Он, конечно, страшноват со своим заиканием и бугристой кожей на руках, но мир переполнен чудиками и пострашнее. И большинство совершенно безобидны. Теперь, когда хозяин «Астро» тоже был славным парнем, она набралась храбрости, прижала телефон к заднему окну вэна и включила подсветку, тут же сама полу-

ослепнув от резкого бело-синего света. Просто чтобы положить конец своим подозрениям и расслабиться, окончательно убедиться, что на самом деле ничего не...

За стеклом она увидела лицо маленькой девочки, в упор смотрящей на нее.

Дарби выронила телефон.

Он приземлился в шаге от нее, подмигивая гостевому центру стоянки Ванапа, будто маяк, отбрасывающий неровные тени на снегу. Дарби бросилась на него, накрыв сложенными ковшиком ладонями и нащупывая кнопку.

В фургоне опять было спокойствие. Девочка скрылась в темноте.

И снова Дарби только мельком видела ее. Но выжженное в неприятной вспышке остаточное изображение плавало теперь по ее сетчатке, постепенно угасая, как после пристального взгляда на солнце. Детали запечатлелись. Овальный контур лица. Может быть, шесть или семь лет. Спутанные волосы. Большие глаза, моргнувшие от яркого света. Темная лента, грубо врезавшаяся в рот, блестящая от слюней и соплей. Девочка была за чем-то металлическим и сетчатым, похожим на черную проволочную клетку. Как Дарби и показалось изначально. Собачья клетка.

«О, Боже мой. Ее рот завязан, и она засунута в собачью клетку».

Впервые с тех пор, как вышла наружу, Дарби дрожала.

Весь жар, казалось, покинул ее тело в один миг.

Это подтвердилось. Это было правдой. Это было в точности так, как она подозревала. Это всё на самом деле происходило, прямо сейчас, в ярком цвете, и жизнь маленькой девочки в действительности висела на волоске, и сегодняшней ночью состоится матч за звание чемпиона между студенткой факультета искусств, вторые сутки не смыкавшей глаз, и хищником в человеческом обличье.

Дарби снова встала.

В тупом оглушении она опять пыталась открыть заднюю дверь. По-прежнему заперта. Дарби это уже знала. Тогда она пошла к водительской двери. Она не думала, она действовала инстинктивно. Только рефлексы обнаженных нервов. Дарби была готова взломать фургон Грызуна. Она была готова схватить эту маленькую девочку и убраться поскорей отсюда, и спрятать ее в своей «Хонде». В багажнике, может. Девочка окажется там в безопасности, верно?

Удар по стеклу будет слишком шумным и слишком явным. Оставит следы. Вместо этого Дарби заглянула через водительское окно. Внутри «Астро» был беспорядок, свалка из квитанций на приборной доске и желтые обертки от бургеров, разбросанные по сиденьям. Держатели для кофе с торчащими в них пустыми стаканами любимого Ларсом размера «Большой глоток». Дарби счистила снег с двери и высматривала штифт дверного замка за ледяным стеклом – да, он был здесь. Спасибо, Господи, за старые машины.

«Дарби, обдумай это».

Она присела и выдернула белый шнурок из своего левого кеда. Зажав зубами, завязала скользящий узел ниже середины. Стянула петлю, сделав ее поменьше, будто миниатюрное лассо. Она только однажды делала это раньше.

«Дарби, стой».

Ни в коем случае. Дарби расчистила ладонью побольше снега вверху двери, сбросила ледяную коросту и проталкивала шнурок в верхний угол. Кончиками пальцев она ощупывала металл и пыталась оттянуть – было достаточно лишь маленького зазора между дверью и ее рамой. Только на миллиметр или два. После тридцати тревожных секунд томительного нервного напряжения шнурок проскользнул справа и свесился позади стекла.

«Остановись».

Она не могла. Она просовывала шнурок осторожно, дюйм за дюймом, спуская петлю к замку. И произошло какое-то невозможное чудо – петля легла прямо на штифт и обхватила его с первой попытки. Это оказалась самая трудная часть, занявшая больше всего времени, но

удивительно, что у Дарби получилось с первого раза. Это было подающее надежду знамение, будто сам Господь на ее стороне. Она верила и надеялась, что это так. Сегодняшней ночью ей нужна вся помощь, которую она сможет получить.

Ее благоразумие все еще протестовало: «Дарби, не будь импульсивной. После того, как ты вскроешь дверь – то что? Ты не сможешь взять девочку в здание. Ты не сможешь спрятать ее в багажнике Синенькой всю ночь. Отступи».

Нет. Всё, о чем она думала, – эта девочка. Это напуганное маленькое лицо, все еще будто стоящее перед глазами.

«Подумай вот что...»

Дарби переместила шнур левее, по дверному периметру, и натянула горизонтально.

Скользкий узел сомкнулся вокруг штифта, словно петля на чьей-то шее. Тогда она вновь переместила шнур обратно вверх, убедилась, что он держит штифт, и осторожно потянула. Чуть сильнее – и он соскользнет, и придется всё начинать сначала.

И еще раз потянула, и еще немного сильнее, и еще сильней, и уже сильно, и шнур дрожал от натяжения, и штифт скрипел, и теперь она увлеклась и не могла остановиться...

«Дарби, ты собираешься сегодня умереть».

КЛИК.

Дверь открылась.

Ее сердце стукнуло. Дарби вцепилась в дверную ручку и дернула, и, к ее ужасу, с потолка «Астро» ударил свет.

Слепящий и яркий.

* * *

Ларсон Гарвер увидел свет снаружи.

Он сутулился у полки с рекламными буклетами, изучая труд под названием «Воздух Колорадо», и пытался понять, был ли изображенный на картинке турбовинтовой вертолет «Робинсон» моделью R66 или все же R44, когда заметил это. Проблеск на границе его периферийного зрения. Тихий маленький огонек от припаркованных машин, отразившийся в окне.

От ЕГО машины.

Ларс ощутил, что кишки от паники будто завязываются в узел.

Остальные в комнате не обращали на это внимания. Эшли и Эд продолжали игру, их голоса спокойно порхали над столом, как карты, туда-сюда.

– Девятка бубен?

– Агрр-рр. Ты подловил меня.

Ларс сдерживал дыхание. Из его угла свет снаружи был виден недостаточно хорошо – просто отражение в стекле. Он запихал брошюру «Воздух Колорадо» к себе в карман – где она присоединилась к уже лежащим там «Весенним пейзажам» с «Цессной-172» и «Горным видам» с «ДНС-3-Выдра» – и поспешил к витражному окну, вытянув шею, как цапля, чтобы лучше видеть.

Дарби отыскала кнопку верхнего света и стукнула по ней кулаком. Свет погас.

Снова темнота.

«Вот дерьмо». Она задышалась, ее сердце глухо бухало, барабанные перепонки звенели, наполнившись кровью. Это было глупо. Безрассудно. Опасно.

Она действовала необдуманно и позволила себе попасть в засаду, устроенную потолочной лампой, включающейся от открытия двери.

Она все еще никого не видела. «Без вандализма, без грязи, поняла?»

...Поняла?»

Фургон вонял, как старый свитер. Ей вспомнился запах шкафчиков в спортзале. Кожа-ные сиденья, прилипающие к пальцам. Модель самолета на приборной доске. На полу плескалось небольшое личное море Ларса из желтых помятых коробок от бургеров «Джек в ящике» и пакетов из-под «Колокольчиков Тако», скользких и прозрачных от пятен жира. Дарби нащупала и открыла центральную консоль – там оказалось еще больше мусора. Она-то надеялась на пистолет или что-то подобное.

Она хотела открыть бардачок, но знала, что там ее может подстеречь другая лампа, затаившаяся, словно граната на растяжке.

Дарби не хотела рисковать опять.

Внутри дверной панели она нашла центральный замок.

КЛИК-КЛИК.

Теперь задние двери «Астро» разблокированы. Кабина была отделена от грузового отсека металлической ширмой, будто католическая исповедальня.

Осторожно Дарби выскользнула обратно наружу, забрала свой обувной шнурок, вдавила большим пальцем на место замочный штифт и тихо закрыла водительскую дверь, аккуратно прижав ее ладонями.

Ей было видно окно здания через крышу вэна. Она боялась увидеть силуэт Ларса за стеклом – заметившего свет из машины, – но там все еще было пусто. Только макушка Эда и часть плеча Эшли, продолжавших играть в «Рыбу».

Пока всё в порядке.

Дарби прокралась назад вдоль левой стороны вэна, по знакомому пути мимо глупого лиса, пробираясь через снег. Свой обувной шнурок она положила в карман джинсов, нет сейчас времени перешнуровывать башмак. Она зашла за «Астро», схватилась за левую ручку двери и потянула, открыв.

Девочка сидела внутри в собачьей клетке. Одна из черных проволочных сеток была съемной, и клетка могла складываться для хранения в плоском виде. Размером как для колли, укрепленная замком и дюжиной стяжек. Девочка сидела на коленях, согнувшись, потому что было недостаточно места, чтобы выпрямиться. Маленькие пальцы сжимали прутья сетки, словно тюремную решетку. Клейкая лента была намотана вокруг рта грубыми витками.

Дарби почувствовала влажный кислый запах. Моча.

В первый момент она утратила дар речи. Да и что тут можно сказать. Для этой ситуации не было слов. Будто сглотнув ком арахисового масла, забивший ей рот, Дарби наконец смогла управлять движением губ и сказала:

– Привет.

Девочка уставилась на нее широко распахнутыми глазами.

– Ты... Ты в порядке?

Девочка затрясла головой. Нет.

«Так, не тупи».

– Я... – Дарби дрожала под порывами холодного ветра, понимая, что толком не имела плана на случай, если всё пойдет так далеко. – Ладно, я сейчас сниму ленту с твоего лица, и ты сможешь поговорить со мной. Хорошо?

Девочка кивнула.

– Это может быть больно.

Девочка кивнула сильнее.

Дарби знала, что это БУДЕТ больно, лента приклеилась к волосам. Ларс обмотал ее кое-как прямо вокруг головы, и это была монтажная черная плотная изоляционная лента.

Дарби протянула руку через решетку в собачью конуру и нащупала конец ленты пальцами. Осторожно сняла первый виток, затем второй и, чтобы девочка немного успокоилась, спросила:

- Как тебя зовут?
- Джей.
- Ты знаешь этого человека? Водителя фургона?
- Нет.
- Он похитил тебя?
- Да.
- Из твоего дома? – Дарби перефразировала вопрос. – Погоди-ка, Джей, а где ты живешь?
- Фейрбридж-Вэй, тысяча сто сорок пять.
- Это где?
- В Костко.
- Нет. Как называется главный город, где ты живешь?
- Сан-Диего.

От этого Дарби вздрогнула. Она никогда не доезжала до Западного Побережья раньше. Ларс мог провести на дорогах несколько дней с этой девочкой, запертой сзади. Это объясняло мусор от фастфуда. Она замечала больше деталей внутри вэна, когда ее зрачки привыкли к темноте, – шерстяные одеяла и пледы, слоями накрывавшие клетку. Фанерные стеллажи на стенах, все пустые. Стекланные бутылки из-под «Кока-колы», позвякивающие на металлическом полу. Рассыпанные опилки. Гвозди. Красная канистра бензина с черным шлангом. Ворох детской одежды, торчащий из белой сумки универмага «К-Март», хотя Дарби сомневалась, что Ларс переодевал Джей хоть раз с тех пор, как похитил ее из дома. Всю дорогу из Калифорнии.

– Он на окраине Костко, – пояснила Джей.

Дарби заметила круглый рисунок на футболке девочки и узнала его – шарообразный предмет из игры про Покемонов. «Пок-мяч», вспомнила она, из приложения для айфона, охватившего университетский кампус, будто эпидемия.

– Как твоя фамилия?

– Ниссен.

– Это... – Дарби стукнула круглым кодовым замком, закрывающим дверцу конуры. – Джей – это сокращение от чего-то?

– Птичка Джей⁸.

– Нет. Полное имя. Похоже... Джессика?

– Просто Джей, – сказала девочка.

«Джей Ниссен. Возраст семь лет. Пропала в Сан-Диего».

Озарение нашло на Дарби – это могло быть в новостях. Она только что взломала чужую машину (уже формально совершив правонарушение) и прямо сейчас принимает решения, которые позднее будут озвучены в зале суда. Юристы станут скрупулезно выяснять все самые мелкие подробности, минута в минуту. Если Дарби выживет, она будет отвечать за каждый свой отдельный поступок, за каждый выбор, сделанный ею, хороший или плохой. И пока всё, что она реально совершила, – это спросила похищенную девочку с замотанным клейкой лентой ртом, в порядке ли та.

Дарби всегда боялась разговаривать с детьми. Даже когда работала бэбиситтером, ей не доставало материнского инстинкта. Дети были просто чумазыми драчливыми маленькими созданиями, напрягавшими ее. Она много раз изумлялась, как ее собственная мать выдерживала ее, особенно с тех пор, как узнала, что стала незапланированным ребенком.

Ее старшая сестра Дэвон была желанной, конечно же. Дорогой первенец. Но потом тремя годами позже появилась малышка Дарби.

В преддверие сокрушительного семейного раскола.

⁸ Jay, Jaybird – сойка.

Оформление развода, потом разъезд, съемное жилье и тошнота по утрам.

«Я думала, что ты желудочный грипп», – сказала ей мать однажды с кривой усмешкой. Дарби никогда в точности не знала, как чувствовать себя после этого.

«Я думала, что ты грипп.

Я попробовала убить тебя с помощью «Терафлю».

Сейчас эта маленькая похищенная девочка подняла вторую руку, вцепившись в сетку конуры, и Дарби поняла, что она перевязана. Ладонь Джей была обмотана несколькими слоями врезавшейся в нее грязной изолянтной ленты. Темнота скрывала остальные детали.

Дарби прикоснулась к ней – и Джей резко подалась в сторону.

– Он... он делал тебе больно?

– Да.

Внутри у Дарби всколыхнулась ярость. Она не могла во всё это поверить – эта ночь становилась хуже с каждой секундой. Но она постаралась, чтобы голос звучал спокойно, когда спросила сквозь сжатые зубы:

– Что он делал с твоей рукой, Джей?

– Показывал желтую карточку.

– Желтую карточку?

Девочка кивнула.

Дарби осенило – как в футболе?

Джей опустила поврежденную руку и откинулась назад, скрипя клеткой, и Дарби почувствовала пальцами какую-то коросту на прутьях. Она отваливалась под ногтями, издавая запах меди. Куски запекшейся крови.

«Желтую карточку.

Это сумасшедший псих, против которого я...»

...В пятидесяти футах отсюда открылась передняя дверь здания и со стуком захлопнулась.

Джей застыла.

Приближающиеся шаги. Быстро приближающиеся. Лед, хрустящий под крепкими башмаками.

Дарби колебалась там, где она стояла, засунув голову внутрь «Шевроле-Астро». Наполовину внутри, наполовину снаружи. Боясь бежать и боясь остаться. Парализованная наступавшим ужасом, глядя в широко открытые глаза маленькой девочки и слушая, как шаги топают всё ближе в темноте.

И еще один звук.

Ротовое дыхание.

21:39

Бежать или прятаться?

Когда Ларс добрался до своего фургона, Дарби выбрала «прятаться». Она быстро уселась вся целиком в кузов вэна, подтянула колени и тихо закрыла за собой заднюю дверь. Но в щели застряло полотенце.

Шаги скрипели всё ближе.

«Дерьмо...»

Она втянула полотенце внутрь и освободила дверь, со щелчком вставшую на место.

Теперь Дарби была закупорена внутри машины Хищника, втиснувшись между задней дверью и собачьей клеткой с Джей. Она притаилась пониже к полу, насколько смогла, изогнувшись соответственно тесному пространству, и накрылась кучей одеял и колючих ковриков. Бутылки из-под колы упирались ей в бок. От одеял несло псиной. Лоб прижимался к холоду металлической двери, правый локоть неудобно скривился за спиной. Она пыталась контролировать свое дыхание, беззвучно сдерживая воздух в паникующих легких. Вдохнуть. Досчитать до пяти. Выдохнуть.

Вдохнуть. Досчитать до пяти. Выдохнуть.

Вдохнуть. Досчитать до...

Теперь она слышала шаги Грызуна, огибающего автомобиль, с правой стороны. Он шаркал мимо мультяшного лиса, вооруженного гвоздеметом, мимо лозунга на борту, проходя между вэном и ее собственной «Хондой». Дарби испытывала тошнотворную смесь испуга и самооправданий: если бы она побежала, вместо того чтобы спрятаться, – он наверняка заметил бы ее. Грызун продолжал идти, воздух со свистом вырывался сквозь мелкие зубы, и она увидела его силуэт через заднее окно над своей головой. Он остановился рядом с машиной, заглядывая внутрь, и его дыхание обдувало стекло.

Дарби затаила свое.

«Если он откроет дверь, я умру».

Но он не открыл. Он продолжил шагать, полностью обходя машину вокруг, и вернулся к водительской двери. Взялся за ручку. Дарби услышала, как дверь скрипнула несмазанными петлями, и автомобиль качнулся на подвеске, наклоняясь от веса третьего человеческого тела внутри.

Звякнула связка ключей.

Одним непокрытым глазом Дарби взглянула на Джей через прутья клетки и осторожно, чтобы не задеть стеклянные бутылки под собой, поднесла дрожащий указательный палец к губам: «Тсс».

Джей кивнула.

Ларс на водительском сиденье принялся, наклонился вперед и вставил ключ в зажигание – но не повернул его. Дарби услышала долгий, задумчивый вздох. Затем тишина. Слишком много тишины.

Что-то не так.

Она ждала, ее барабанные перепонки звенели от давления. Всё внутри у нее сжалось. Дыхание задержалось в раздутых легких. Грызун был темным очертанием за рулем, отделенным сетчатой шторкой, силуэтом на фоне непрозрачного снега на лобовом стекле. Своим непокрытым глазом Дарби видела, как он крутит головой по сторонам. Он посмотрел вверх, потом направо. На потолочный фонарь.

На отключенный ею фонарь.

«О, нет».

Дарби могла представить, какие мысли бродят сейчас в его голове. Он был удивлен, почему свет не включился автоматически, когда он открыл водительскую дверь, как это происходило обычно.

Итак, о чем это говорит?

Что кто-то входил в его фургон. И этот кто-то, при ближайшем рассмотрении месива из отпечатков ног снаружи, окажется все еще внутри, прикопанный сзади под вонючими ручной работы ковриками индейцев навахо, сошедшими с конвейера в Китае, потеющий и дрожащий от перемалывающей нервы паники...

Ларс повернул ключ.

Двигатель плавно запустился, и Дарби выдохнула с облегчением. Ларс наклонился вперед на своем сиденье и регулировал углы воздуховодов. Переключил шкалу обогревателя на полную мощность. Положил свою шапочку «Дэдпул» на приборную доску рядом с моделью самолета, зашуршал оберткой фастфуда.

Дарби услышала шевеление позади себя. Это была Джей, быстро перемотавшая заново черную изоляцию вокруг рта. «Умная девочка», – подумала она.

Следующие двадцать минут ощущались, словно многие часы, пока вэн медленно наполнился теплом и влажностью.

Ларс прогревал машину и сканировал радиостанции. Он находил только разнообразные помехи на любой вкус, тот повторяющийся робоголос из передачи Дорожной службы и, наконец, снова Бинга Кросби с сидящим уже у Дарби в печенках «Белым Рождеством».

«Я не смогу убежать от этой песни, – думала Дарби. – Она, наверно, будет играть на моих похоронах».

Она всегда думала, что к тому времени уже изобретут летающие машины. Теперь, сторбившись в сыром фургоне похитителя и дыша через нос, она не была так уверена.

Естественно, Ларс прослушал всю песню до конца, а это означало, что Дарби тоже.

Вникнув в слова, она оценила композицию немного больше. Она всегда полагала, что в ней поется просто о снеге, но там была тоска по родине и стремление к ней. Когда Кросби пел, она представила некоего бедного крестьянского парня, только что закончившего школу, сидящего в промерзлом грязном окопе на чужой земле, сражающегося на какой-то чужой войне, вспоминающего о любимой, оставшейся дома. Ее особенно тронул этот куплет.

Ларс, вероятно, не думал обо всем этом настолько глубоко. Он чавкал куском «Малышки Рут», громко пережевывая. Ковырял в носу и изучал найденное в свете приборов. Выпустил газы дважды. Второй раз его особенно развеселил, и тогда он внезапно обернулся назад и ухмыльнулся, скалясь мелкими острыми зубами. Грудь Дарби сдавило от страха, ее сердце сжалось в кулак.

– Я согрел всё это для тебя, – сказал он.

Он разглядывал конуру Джей в темноте, но ему не приходило в голову, что он также смотрит и прямо на Дарби. Только слой тряпья укрывал ее, оставляя снаружи один глаз. Всё это стало бы заметно, будь в машине чуть больше света.

«Он смотрит прямо на меня».

Усмешка Грызуна исчезла. Он вглядывался при-стальнее.

«О Боже, он видит меня, – думала Дарби, чувствуя, будто пауки ползают по ее коже на затекшей половине тела. – Его глаза привыкли к темноте, и теперь он знает, что я здесь, и, о Боже, он собирается убить меня...»

Он пукнул в третий раз.

«Или я ошиблась?»

Это был долгий, громкий, основательный пук. Могучий, как автомобильный гудок. А затем Грызун взорвался.

От заливистого смеха.

Он вы-кри-ки-вал свой хохот, колотя кулаком пассажирское сиденье. Он был чрезвычайно доволен сам собой, едва не задыхался, выталкивая наружу слова, обращенные к пленнице:

– Добро... а-а, добро пожаловать в Ущелье Громовая Ягодица! Приятно и тепло, а, Птичка Джей?

Дарби казалось, что она слышит, как сморщилась изоленга на лице Джей. Она представила, как девочка закатила глаза: «Теперь видишь, с кем я имела дело?»

Теперь звонкий смех Ларса превратился в кашель. Он был мокрым, клокочущим, похожим на недолеченную инфекцию носовых пазух. Это объясняло дыхание ртом.

Ноги Дарби были прижаты к пятигаллоновой канистре с горючим, стоящей прямо перед ней. Рядом она заметила другую, белую емкость. «Хлорокс», надпись, едва видимая в слабом свете приборной доски. Отбеливатель, очевидно.

«Пять галлонов бензина.

И отбеливатель».

Средства для зачистки места преступления, может быть?

После того как радио выдало еще немножко праздничных песен («Бабушка ускачет на северном олене», которая была такой же длинной, и «Тихая ночь», которая оказалась чуть покороче) Ларс заглушил двигатель «Астро» и положил ключи в карман куртки.

Теперь вэн был тюрьмой восьмидесятого уровня; на окнах от тепла выступил конденсат.

Капли росы искрились на стеклах. Под удушливым одеялом кожа Дарби стала липкой от пота и влаги. Рукава куртки приклеились к запястьям, факультетская кофта под курткой промокла насквозь.

Ларс выскочил наружу, натянул свою шапочку обратно на череп и взглянул назад, на потолочный фонарь. Он был все еще слегка озадачен этой деталью.

Но потом он развернулся, пернул еще один раз напоследок, вызвав бурю эмоций в машине, размахал всё это дверью, запер Джей (и Дарби) внутри и ушел.

Дарби слушала, как его шаги удаляются. Потом, в отдалении, главная дверь гостевого центра распахнулась и закрылась снова с тихим хлопком.

Тишина.

Джей стянула изоленгу со рта.

– Пердеж – его судьба.

– Я заметила.

– Я думаю, это бургеры.

Дарби сбросила щетинистое одеяло со своих плеч, вытерла влажным углом волосы и лицо, пинком открыла заднюю дверь «Астро» и выпрыгнула наружу. Это ощущалось как побег из сауны. Ее «Конверсы» промокли, носки внутри них чавкали, как в болоте, а на левом все еще не было шнурка.

– Он кладет деревенский соус во всё, – продолжала Джей. – Он просит в автозакусочных стаканчик соуса, чтобы макать туда картошку-фри, но это неправда. Он просто льет его на...

– Хорошо. – Дарби не слушала. Мороз придавал энергии, словно она избавилась от пятидесяти фунтов веса вместе с потом. Она чувствовала себя ловкой и быстрой, будто вновь ожила. Она знала, что будет делать – вот только не знала, как, черт побери, она собирается это делать.

Она отшагнула назад, вытащила айфон и сделала два быстрых фото.

Не моргнувшая Джей. Ее испачканные кровью пальцы на решетке клетки.

«Будь аккуратней».

«Я буду».

«Обещай, что ты будешь аккуратна».

«Я обещаю».

Девочка протянула свою здоровую руку к Дарби. Сперва Дарби подумала – для рукопожатия, или чтобы по-девичьи подержаться за мизинцы, в знак дружбы, или какой-то подобный полузабытый жест из ее собственного детства, но Джей положила что-то Дарби в ладонь. Что-то маленькое, металлическое и холодное, как кубик льда.

Это был патрон.

– Я нашла это на полу, – прошептала Джей.

Он был легче и меньше, чем Дарби могла себе представить, и похож на тупую маленькую торпеду. Дарби перекатила его слева направо на ладони. Руки тряслись, и она чуть не уронила его.

Это не сюрприз, естественно, а только подтверждение ее наихудшего сценария.

«Конечно же, у Ларса есть оружие.

Конечно же».

Она должна была предполагать такое. Это Америка, здесь вооружены и полицейские, и преступники. Здесь, как говорят в Национальной стрелковой ассоциации, только одна вещь остановит плохого парня с пушкой – хороший парень с пушкой. Звучит пафосно, но верно, черт побери. Дарби никогда раньше даже не держала в руках оружие, не говоря уж о том, чтобы стрелять. Но сейчас она была готова взять этот грех на душу.

Она понимала, что Джей все еще смотрит на нее.

Обычно она ненавидела разговаривать с детьми.

Всякий раз, когда ей приходилось общаться с племянницами или младшими братьями и сестрами друзей, она воспринимала их как маленьких тупых взрослых.

Но теперь всё пойдет проще.

Ей не нужно смягчать фразы и стесняться в выражениях. Она пропускает через сердце каждую частичку того, что хочет сказать, и глупое сюсюканье будет только лишней водой, размывающей смысл и простую силу слов.

– Джей, я обещаю, я вытащу тебя отсюда. Я спасу тебя.

22:41

Дарби не видела своего отца с одиннадцати лет, но на окончание школы два года назад он прислал ей в подарок мультитул. Где смеяться? К нему была приложена готовая открытка, которые обычно продаются в аптеке на кассе. «Поздравляю с окончанием колледжа!»

У-упс, ага, папа?

Но как подарок он был неплох. Это был один из тех красных швейцарских армейских ножей, разворачивающийся веером – штопор, кусачки, пила для ногтей. И конечно же, двухдюймовое зазубренное лезвие. Дарби использовала его только однажды, когда помогла своей соседке по комнате открыть блистер с новыми наушниками, и потом забыла о нем до каникул. Она держала его в бардачке Синенькой.

Сейчас он скрытно лежал в ее заднем кармане.

Как заточка.

Дарби сидела на каменной кофейной стойке, спиной к защитной решетке, подтянув колени к груди. Отсюда она могла наблюдать за всей комнатой. Эд и Эшли закончили миллионную партию игры в «Рыбу», Сэнди читала книгу, а Ларс охранял дверь на своем обычном месте.

С заднего сиденья своей «Хонды», заваленного листами рисовой бумаги для отпечатков, Дарби также прихватила синюю ручку и один из разлинованных блокнотов. Он лежал у нее на коленях сейчас.

На первой странице были каракули. Абстрактные линии, крест-накрест заштрихованные тени.

На второй странице – больше каракулей.

На третьей странице? Осторожно прикрывая от взглядов, Дарби сделала, возможно, свой лучший в жизни набросок изображения человеческого лица. Он был близок к безупречному. Она изучила Ларса, каждый сутулый дюйм на нем. Его блеклые усики, его неправильный прикус, его вялый подбородок и косоу лоб. Резкую V-образную линию волос. Она даже ухватила тусклый блеск глаз. Потом пригодится полиции для розыска; может быть, они даже разместят рисунок в средствах массовой информации, чтобы добровольные помощники начали охоту. У нее также имелась марка фургона, модель и регистрационный номер. И смазанное фото пропавшей в Сан-Диего девочки. Оно будет смотреться большим в новостях «Си-эн-эн», увеличенное на сорокадюймовых жидкокристаллических экранах по всей стране.

Но разве этого достаточно?

Вожделение невозможно сейчас, но завтра утром, когда придут снегоочистители и откроют движение через Впалую Хребтину, Ларс возьмет Джей и уедет. Даже если Дарби сможет дозвониться по 9-1-1 сразу после этого, полиция все еще будет бездействовать, не имея точных сведений о местонахождении преступника. Может, он будет пойман, а может, и нет. У него окажется достаточно времени, чтобы проскользнуть через дырявую сеть, раствориться в мире, и это станет смертным приговором для маленькой девочки Джей Ниссен. Птички Джей Ниссен. Каким бы ни было ее имя.

В соответствии с местной картой на стене Седьмая государственная дорога пересекала две другие магистрали недалеко от перевала. Плюс главная федеральная дорога между штатами, бежавшая, будто вена, на север. Поедет ли Ларс хоть на запад, хоть на восток, у него имеется множество путей для побега. Изучив карту поближе, Дарби также узнала, что стоянка Ванана (Малое Черт-побери) была двенадцатью милями ниже. А эта, на которой они застряли, на самом деле называется Ванапани. Дарби неправильно истолковала карту прошлый раз. Они сидели на двенадцать миль дальше от цивилизации.

По-паиутски Ванапани означает «Большое Черт-побери».

Ну что же, это так.

Патрон пока тоже лежал у нее в кармане. Дарби рассмотрела его под зеленоватым флюоресцентным светом в женском туалете. Тупой носик пули был расщеплен крестообразным разрезом, похоже, сделанным вручную намеренно, по каким-то неизвестным соображениям. Снизу, на латунном ободке, имелась штампованная надпись: 45 AUTO FEDERAL. Дарби ранее слышала, как стволы называют «сорок пятый» в полицейских фильмах. Но было страшно думать, что один такой реально находится здесь, в одной комнате с ней, спрятанный под курткой Ларса. Всего в нескольких футах рядом.

Дарби ощущала это нутром весь последний час, но мысли ее бесконечно крутились вокруг другого. Описания подозреваемого и размытого полутемного фото будет недостаточно. Это достаточно для того, чтобы пресса назвала ее героиней, если они пригодятся при розыске, но никак не гарантирует спасения Джей.

И впоследствии, если копы никогда не найдут Ларса, что она скажет бедным родителям девочки? «Сожалею, ваш ребенок мертв, но я звонила в полицию, записала номер машины и запустила это всё по всем каналам. И даже нарисовала картинку».

Нет, она должна действовать.

Здесь. Сейчас. Этой ночью. На этой заснеженной маленькой стоянке. До прибытия очистителей на рассвете ей необходимо остановить Ларса самой.

Хоть как.

Зайдя так далеко, насколько потребуется.

Дарби сделала глоток кофе. Это была ее третья чашка, черный и без сахара. Она всегда любила стимуляторы – порции эспresso, «Ред Булл», «По Горлышко», «Рокстар». Таблетки «Не дремать!». «Аддералл» своей соседки. Что угодно, придающее немного бодрости, повышающее настроение. Ракетное топливо для ее занятий живописью. Депрессанты – алкоголь, марихуана – были ее врагами. Дарби предпочитала идти по жизни с широко открытыми незадурманенными глазами, мучаясь от вечной беготни, ведь ничто не может поймать вас, если вы никогда не останавливаетесь. И спасибо Господу за то, что от кофеина нет похмелья. Потому что сегодня всю ночь ей потребуется оставаться начеку.

Выше настенной карты Дарби заметила старые аналоговые часы, оформленные в стиле мультфильма про кота Гарфилда. В их центре Гарфилд привлекал внимание другого персонажа – розовой кошечки Эрлин, – держа в лапах букетик сорванных нераспустившихся цветов. Стрелки часов показывали почти полночь, но Дарби понимала, что они спешат на час. Кто-то решил немного продлить световой день зимой.

Еще даже нет одиннадцати.

Думая об этом, она не была уверена, что больше изматывает нервы – когда время пролетает быстро или, наоборот, когда его в запасе слишком много. Когда Дарби заканчивала свой набросок (затеняя бугристый склон лба, который напоминал ей человеческий зародыш), она заметила, что Ларс, наконец, созрел для общества. Как минимум, это немного оживило компанию. Эшли показывал Ларсу и Эду карточный фокус, который он называл «мексиканским переворотом». Из того, что Дарби расслышала – «вы переворачиваете карту, держа другую в той же руке – но на самом деле вы меняете их местами. Несложно, как видите». Ларс был зачарован этим маневром, и Эшли выглядел сияющим, имея успех у публики.

– Так вот почему ты всегда выигрываешь! – сказал Эд.

– Не волнуйтесь. – Эшли сверкнул улыбкой торговца, подняв руки вверх. – Я был с вами честным и порядочным. Но да, если я позволю себе немножко похвастаться, то однажды я взял серебряный приз на соревнованиях магов.

Эд фыркнул.

– Ну да?

– Ага.

- Это правда? Я про тот случай.
- Ну конечно, правда. Тот случай.
- Второе место?
- Третье, по сути. – Эшли перемешивал карты. – Большое вам спасибо.
- Ты был во фраке?
- Так уж положено.
- Ну и как сейчас ситуация на рынке труда с работой для серебряных медалистов-магов?

Есть вакансии?

– Чрезвычайно мало. – Эшли затрещал колодой, как гремучая змея. – Но я прошел курс бухгалтерского дела. И позвольте мне заметить, вот уж где кроется настоящее волшебство, так это в нем.

Эд расхохотался.

Ларс прислушивался к их разговору, его обрамленные волосками губы морщились, и он воспользовался паузой, чтобы вставить свое:

– Так... это, а... фокусы были волшебные на самом деле?

Метель усиливалась снаружи. Окно поскрипывало под напором порывистого ветра. Эшли глянул на Эда, понял ли тот момент его торжества («Это правда волшебство? Реально?»), и Дарби, наблюдая за ним, видела, что он стоит перед выбором – ответить прямо или позволить себе немного сарказма по отношению к вооруженному похитителю детей.

«Не делай этого, Эшли».

Он повернулся у Ларсу.

– Ага.

– Правда?

Улыбка Эшли расширилась.

– Абсолютно.

Она почувствовала дрожащую лужицу страха, разливающуюся в ее желудке. Словно наблюдала последние секунды перед автокатастрофой. Визг зажатых тормозов, не могущих одолеть кинетическую энергию момента.

«Остановись, Эшли. Ты понятия не имеешь, с кем ты говоришь о...»

– Так это реально? – прошептал Ларс.

«Стоп-стоп-стоп».

– О, это всё реально, – сказал Эшли, выдаивая сейчас из момента всё до последней капли. – Я могу сворачивать время и изгибать пространство, вытянув их неожиданно из рукава, и заставить людей об этом забыть. Я могу обмануть смерть. Я могу уворачиваться от пуль. Я волшебник, Ларс, о мой брат, и я могу...

– Ты знаешь, как разрезать девушку пополам? – спросил Ларс внезапно.

В комнате повисла тишина. Окно поскрипывало под натиском воющего ветра.

Дарби опустила глаза и притворилась, что снова рисует каракули своей синей ручкой, но поняла с противной дрожью – он смотрит через комнату на нее. Ларс, безподбородый похититель ребенка, в шапочке «Дедпул» и по-детски очарованный волшебными фокусами, смотрел ПРЯМО НА НЕЕ.

Эшли заколебался. Его дерьмовая машина сбросила газ.

– Я... э-э, ну...

– Ты знаешь, как разрезать девушку пополам? – спросил Ларс снова, нетерпеливо. Тем же тоном, с тем же выражением. Его глаза по-прежнему сверлили Дарби, когда он говорил. – Ты знаешь. Ты кладешь ее в большой деревянный ящик, как в гроб, и потом ты... а, ты режешь ее пилой?

Эд уставился в пол. Сэнди опустила свою книгу.

И опять:

– Можешь ты разрезать девушку пополам?

Пальцы Дарби сжимались вокруг ее ручки. Ее колени подтянулись ближе к груди. Грызун стоял в десяти футах от нее. Дарби размышляла – если он полезет за «сорок пятым» под своей курткой, сможет ли она выхватить швейцарский армейский нож из кармана, открыть лезвие и пересечь комнату достаточно быстро, чтобы успеть воткнуть ему в горло?

Она расслабила правую руку на уголке стойки. Недалеко от бедра.

Ларс повторил еще раз, громко:

– Можешь ты разрезать девушку?..

– Я могу, – ответил Эшли. – Но только ты возьмешь золотой приз, если она вдруг после этого выживет.

Молчание.

Здесь не было ничего особенно смешного, но Эд неестественно гыгыкнул.

Сэнди засмеялась тоже. Как и Эшли. Ларс наклонил голову – будто проталкивал сжатую шутку через заводной механизм в своем мозгу – и наконец протолкнул и засмеялся вместе с ними, и комната загремела от всеобщего смеха, звенящего в душном воздухе закупоренного пространства. Смеха, от которого мигрень вернулась к Дарби, и ей захотелось крепко зажмурить глаза.

– Смотри, я взял серебро, – разъяснял Эшли. – Не золото...

Выдавая новое крещендо натянутого смеха и все еще широко скалясь, Ларс хлестал себя по куртке сбоку и тянулся к чему-то на бедре. Дарби сжала нож в своем кармане, но Ларс просто поправил ремень.

«О Боже. Это было близко».

Он умеет двигаться быстро, все-таки. Дарби понимала, что если он по-настоящему полезет за пушкой, то сможет убить каждого в комнате. Ларс только представляется нескладным и вялым – до тех пор, пока не удивит вас, нанеся удар.

– Золотая медаль... – Ларс хихикал, дергая свой ремень на тощем заду, и показывал пальцем на Эшли. – Я, ах-ха, люблю его шутки. Он смешной.

– О, дай мне время, – сказал Эшли. – И ты найдешь меня всецело раздражающим.

Когда фальшивый смех увял, Дарби отметила кое-что еще. Маленькая деталь, но нечто серьезно беспокоящее в поведении похитителя во время смеха. Он выглядел слишком настроженным. Нормальный человек моргает и ослабляет свою защиту. Но не Ларс. Его лицо смеется, но его глаза *следят*. Он сканирует каждого, зрачки изучают комнату, бесстрастно оценивая обстановку, в то время как он демонстрирует рот, полный острых зубов.

«Это оскаленное, тупое лицо зла», – осознала Дарби.

«Это лицо человека, который украл маленькую девочку из ее дома в Калифорнии».

Освещение заморгало. Приступ холодной темноты. Каждый посмотрел вверх на флюоресцентные лампы, но когда оно снова вернулось и комната опять наполнилась светом, Дарби все еще изучала Ларсово щетинистое лицо.

«Вот против чего я выступаю».

Есть время, глубоко в ночи, когда силы зла заявляют о своей власти. «Ведьмин час», называла его мама Дарби, с немножко глуповатыми колдунскими нотками в голосе.

Три часа ночи.

По общему мнению, это было дьявольским передразниванием Святой Троицы. Подрастая, Дарби уважала эти суеверия, но никогда по-настоящему не верила в них – как может одно время суток быть более злым, чем другое? Но тем не менее, на протяжении своего детства, когда бы она ни просыпалась от кошмаров, с прерывающимся дыханием и кожей, блестящей от пота, она сразу глядела на телефон. И звучит жутко, но времени всегда было около трех часов ночи. Во всех случаях, которые она могла вспомнить.

Время, когда ей приснилось, что ее горло чем-то забилося в кабинете общественных наук седьмого класса, и ее вырвало трехдюймовой личинкой, бледной и раздувшейся, извивающейся на столе?

3.21 ночи.

Время, когда человек преследовал ее по дороге в школу, свистя вслед, и загнал в угол в туалете, создал из руки маленький пистолет и выстрелил ей в затылок?

3.33 ночи.

Время, когда высокий призрак – седоволосая женщина в цветастой юбке и с двухсуставчатыми коленями, сгибающимися в обратную сторону, будто собачьи задние лапы, прошла шатающейся походкой через окно в спальне Дарби, полуплывущая, полуидущая, невесомая и бесплотная, словно подводное создание?

3.00 ночи ровно.

Совпадение, не так ли?

«Ведьмины часы, – говорила ее мать, зажигая одну из своих жасминовых свечей. – Когда демоны наиболее могущественны».

И щелкала крышкой зажигалки «Зиппо» для выразительности – клик!

Здесь и сейчас в зоне отдыха Ванापани было только одиннадцать часов вечера, но Дарби все равно представляла темное сборище в одной комнате с собой, всех их вместе. Нечто ощущимо растекалось в тенях, радостно предвкушая насилие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.